

Санкт-Петербургский государственный университет

МИГУТИНА Ольга Сергеевна

Выпускная квалификационная работа

Литературный интернет-мем в современной культуре чтения

Уровень образования: магистратура

Направление 45.04.01 «Филология»

Основная образовательная программа ВМ.5611. «Русская литература»

Профиль «Теория литературы»

Научный руководитель:
доцент, Кафедра истории русской
литературы,
Васильева Ирина Эдуардовна

Рецензент:
доцент, Санкт-
Петербургский филиал
ФГАОУВО
«Национальный
исследовательский
университет «Высшая
школа экономики»,
Калугин Дмитрий Яковлевич

Санкт-Петербург
2021

Оглавление

Введение.....	3
Глава 1. Интернет-мем в теоретической и социокультурной перспективе	7
1.1. Меметика: теория культурной эволюции.....	7
1.2. Подходы к изучению интернет-мема.....	12
1.3. Коммуникативный и смеховой потенциал интернет-мема	14
1.4. Структура интернет-мема	17
Глава 2. Литературные интернет-мемы как зеркало современных читательских практик	23
2.1. Аудитория сообщества Literary Memes	23
2.2. Тематическое поле сообщества Literary Memes	27
2.3. Интернет-мем и литературный канон: проблема идентичности и культурного воображаемого	32
Заключение	46
Список использованной литературы.....	50
Приложение	58

Введение

Современная культура, как показал американский философ и культуролог Г. Дженкинс, медиаконвергентна: в ней нет четкого разделения на «онлайн» и «офлайн» — а есть единое поле культурных практик и значений, которые перетекают из виртуального пространства в реальное и наоборот¹. Тогда логично, что изучение культурных процессов, отраженных в интернете, может дать нам вполне достоверное знание о довольно трудно фиксируемом поле рецептивных откликов и — шире — о современной культуре чтения.

Под культурой чтения мы понимаем устойчивую систему коллективных читательских практик, закрепленных на уровне социального (а значит, и коммуникативного) опыта, — опыта культурно опосредованного интерпретирующего прочтения художественного текста сообществом. Виртуальной единицей, аккумулирующей в себе (за счет своего коммуникативного потенциала) — и трансформирующей (за счет своей структуры) — этот социокультурный опыт интерпретирующего прочтения художественного текста, может служить литературный интернет-мем.

Значимость анализа рецептивного отклика для изучения историко-литературного процесса сегодня не вызывает сомнений. Открытие этой значимости стало результатом поиска выхода из кризиса историчности, который ощущался в западном литературоведении уже к концу 1960-х годов: «Литература и искусство только тогда предстают в качестве исторического процесса, когда ряд произведений рассматривается во взаимосвязи не только авторов, но и потребляющих произведения субъектов, т. е. во взаимодействии писателя и публики», — писал Х. Р. Яусс². Но всегда была и остается сложнейшая исследовательская проблема — проблема фиксации рецептивных откликов. Привычные источники рецепции — критика,

¹ *Jenkins H.* Convergence culture: where old and new media collide. New York; London: New York University Press, 2006. 308 p.

² *Яусс Х. Р.* История литературы как провокация литературоведения / пер. с нем. и предисл. Н. Зоркой // Новое литературное обозрение. 1995. № 12. С. 52.

мемуары, письма — дают необходимый материал, но лишь отчасти, отражая восприятие довольно малой доли аудитории — прежде всего сообщества так называемых профессиональных, «продвинутых» читателей. Интернет-мем же в качестве источника рецептивных откликов позволяет получить представление о той читательской реакции, которая редко подвергалась письменной фиксации — и в основном опосредованно, интерпретативно, через призму других рецептов — в мемуаристике или в самом художественном тексте. В этом смысле интернет-мем демократичен — поскольку функционирует в самом демократичном социальном пространстве — в сети.

Другой важный аспект изучения культуры чтения — фиксация и анализ рецептов на произведения, «отвергнутые» каноном³. То, что оказывается в поле зрения мемуаристики и критики (по большей части — той критики, которая сохранилась в памяти культуры), проходит через фильтр легитимации (обусловленной разными причинами — от прямой цензуры до цензуры негласной, канонизирующей только пресловутого условного белого цисгендерного гетеросексуального мужчину). Тогда еще одна исследовательская проблема — возвращение забытых имен, написание истории «зацензурированной» (прямо и/или негласно) литературы — и такие проекты предпринимаются: например запуск издательством Common Place серии «Θ», посвященной публикации художественных и мемуарных текстов забытых русских писательниц XIX–XX веков⁴.

Наконец, если постараться описать особенности *современной* культуры чтения, то в этом случае интернет-мем представляется наиболее релевантным источником, поскольку воплощает тот тип взаимодействия с литературой — практику ее усвоения и реакцию на нее, — который характерен именно для

³ Это отдельная исследовательская тема, которой мы не касаемся в данной работе, но не отметить ее мы не можем.

⁴ См.: Бояркина П. Мария Нестеренко: «Женщины пишут о том, что волнует именно их»: интервью // Прочтение. 2018. 2 июля. URL: <https://prochtenie.org/texts/29447> (дата обращения: 15.05.2021).

современного поля и порожден современностью — включая цифровую среду и специфику существования и распространения в ней информации.

Выше мы дали определение базовому для темы нашего исследования понятию «культура чтения», но также в работе мы часто оперируем и другим, родственным ему, еще более широким понятием, употребимость которого в самых разных сферах — от законодательной до обиходной — и кажущаяся самоочевидность толкования которого требуют от нас прояснения его контекстуального значения. Это понятие «культура». Под «культурой» мы понимаем то, что В. В. Волков называет «концепцией культурности» — дискурс нормативного структурирования повседневности, обеспечивающего коллективное единство — единство культурного воображаемого⁵.

Объект нашего исследования — интернет-мемы, посвященные литературе. Предмет исследования — дискурсивная специфика литературного интернет-мема, отражающая процессы современной культуры чтения. Основной материал исследования — литературные интернет-мемы, опубликованные одним из наиболее крупных в социальной сети «ВКонтакте» сообществ с литературными интернет-мемами — сообществом Literary Memes⁶, но для иллюстрации теоретических рассуждений об интернет-меме в целом мы обращаемся и к материалам, опубликованным другими сообществами в социальной сети «ВКонтакте» («Факультет Мемологии СПбГУ»⁷, «Трансцендентальный кот»⁸, «Лепра»⁹), каналом в мессенджере «Телеграм» («Бро скинул мем»¹⁰) и отдельными пользователями в социальной сети «Твиттер». Также мы привлекаем и «традиционные» для

⁵ Волков В. В. Концепция культурности, 1935–1938 годы: советская цивилизация и повседневность сталинского времени // Социологический журнал. 1996. № 1–2. С. 194–213.

⁶ Literary Memes : [страница в социальной сети «ВКонтакте»]. URL: https://vk.com/literary_memes (дата обращения: 03.08.2020). В процессе исследования мы обращались к материалам сообщества неоднократно. Период активного обращения к материалам этой группы в процессе данного исследования — с декабря 2019 по апрель 2021 гг.

⁷ Факультет Мемологии СПбГУ : [страница в социальной сети «ВКонтакте»]. URL: https://vk.com/memes_spbu (дата обращения: 28.04.2021).

⁸ Трансцендентальный кот : [страница в социальной сети «ВКонтакте»]. URL: <https://vk.com/trcat> (дата обращения: 28.04.2021).

⁹ Лепра : [страница в социальной сети «ВКонтакте»]. URL: <https://vk.com/leprum> (дата обращения: 28.04.2021).

¹⁰ Бро скинул мем : [канал в мессенджере «Телеграм»]. URL: <https://tigrm.ru/channels/@Bromeeems> (дата обращения: 28.04.2021).

изучения рецептивного поля — письменные — источники: интервью, публицистические статьи.

Цель исследования — определить, какие процессы современной культуры чтения отражает литературный интернет-мем. Для достижения этой цели мы ставим перед собой следующие задачи: 1) определить возможные подходы к изучению интернет-мема и выявить его функциональные и структурные особенности; 2) проанализировать, как в силу своей функциональной и структурной специфики интернет-мем работает с литературным канонам — с воображаемым культурной традиции и с личным и коллективным опытом; 3) опираясь на результаты анализа, охарактеризовать рецептивную стратегию, заложенную в литературном интернет-меме.

Актуальность исследования заключается в его междисциплинарной направленности. С одной стороны, специфика материала предполагает обращение, во-первых, к области цифровых технологий (поскольку речь идет об интернет-меме — виртуальном феномене, существующем только в пространстве сети), во-вторых — к областям биологического знания (поскольку теория мема концептуально восходит к теории эволюции) и философского знания (поскольку проблемы меметики как научной концепции отчасти лежат в поле философии). С другой стороны, избранная оптика работы предполагает выход за рамки собственно литературного — текстуального — поля и требует подключения «внешнелитературного» контекста — социологического и общекультурного.

Работа состоит из введения, двух глав, заключения, списка использованной литературы и приложения. Список использованной литературы включает 73 позиции. Приложение содержит изображения тех интернет-мемов, которые анализируются или упоминаются в работе.

Глава 1. Интернет-мем в теоретической и социокультурной перспективе

1.1. Меметика: теория культурной эволюции

В 1976 году британский биолог Ричард Докинз перенес эволюционные идеи Чарльза Дарвина в иное — неорганическое — поле, сформулировав теорию, которая изменила (впрочем, в уже намеченном русле¹¹) представления о возможностях изучения культурного процесса¹². По его мысли, культурная эволюция осуществляется по тем же законам — отбора и наследования, — что и биологическая. Логика биологического и культурного эволюционного движения идентична, но различаются уровни ее реализации: генетический и не-генетический. Для обоих уровней Докинз вводит позицию репликатора — минимальной информационной единицы: если на биологическом уровне эту позицию занимает ген, то на культурном — мем¹³. Ген «эгоистичен», поскольку запрограммирован на самовоспроизведение, но так же «эгоистичен» и мем, который стремится закрепить и повторить себя посредством копирования, имитации. Принципиальное отступление от классического дарвинизма здесь в том, что передача культурной информации осуществляется не в одном, а в двух направлениях: не только вертикально (от старшего поколения к младшему), но и горизонтально (внутри поколения)¹⁴.

Как гены подвержены законам генетического отбора, так мемы подвержены законам отбора культурного — это объясняет «вирусность» мема, способствующую его «выживаемости» в культурной среде. Мемом может быть что угодно: сам Докинз приводит в качестве примеров мелодии, идеи, устойчивые выражения, моду в одежде, технологии производства посуды и строительства куполов.

¹¹ См., например, «Эволюционную эпистемологию» Карла Поппера (*Popper K. Evolutionary Epistemology // Evolutionary Theory: Paths into the Future / ed. by J. W. Pollard. Chichester, New York: John Wiley & Sons, 1984. Pp. 239–255.*), который провел аналогию между научным прогрессом и биологической эволюцией.

¹² *Dawkins R. The Selfish Gene: 30th Anniversary Edition. Oxford: Oxford University Press, 2006. 360 p.*

¹³ Усеченный для удобства и созвучности со словом «ген» вариант первоначального термина «мимем», производного от древнегреческого «μῖμητις» («миметес» — «подражатель, имитатор»).

¹⁴ *Lewens T. Cultural Evolution // The Stanford Encyclopedia of Philosophy (Summer 2020 Edition) / ed. by E. N. Zalta. URL: <https://plato.stanford.edu/archives/sum2020/entries/evolution-cultural/> (дата обращения: 27.06.2020).*

Построения Докинза ведут к важному обобщению — фундаментальному механизму эволюции человека (шире — всего живого), релевантному в равной степени для всех аспектов, в том числе — биологического и культурного: эволюция — результат «естественного» отбора самовоспроизводящихся минимальных единиц, будь то гены или мемы (или любые другие, еще не открытые учеными).

Под влиянием идей Докинза в науке сформировалось новое направление теории культуры и сознания — меметика¹⁵, задача которой — изучение природы мема и его роли в эволюции человека¹⁶. Согласно логике такого взгляда на историю культуры (как продукта работы человеческого мозга) и структуру человеческого сознания, мышление и поведение человека оказываются предзаданы теми мемами, которые он усваивает и транслирует в течение жизни, таким образом участвуя в процессе культурной эволюции.

Наиболее радикальной позиции в этом вопросе придерживается английская исследовательница Сьюзен Блэкмор, разработавшая концепцию меметических машин (то есть людей) и Т-мемов (технологических — использующих интернет — мемов)¹⁷. В своих рассуждениях Блэкмор приходит к идее отрицания человеческого «Я»: «Собственное “Я” — только слово, вокруг которого мемы получили возможность скопиться... <...> это всего лишь сложный мемплекс, созданный непосредственно мемами для самих себя, для их собственной защиты и воспроизведения»¹⁸.

Расцвет меметики пришелся на конец XX — начало XXI века, однако уже в 2005 году (когда вышел последний, девятый, выпуск журнала *Journal of*

¹⁵ Название было предложено американским физиком Дугласом Хофштадтером по аналогии со словом «генетика» в 1983 году.

¹⁶ О проблемах меметики как области научного знания и ее статусе см. подробнее: *Колесова Е.* Котики и революция: Что такое меметика и почему мемы — это не только смешные картинки из интернета // N+1 : науч.-попул. изд. Дата публикации: 20.10.2017. URL: <https://nplus1.ru/material/2017/10/20/mems-and-culture> (дата обращения: 05.05.2020).

¹⁷ *Blackmore S.* The Meme Machine. Oxford: Oxford University Press, 1999. 264 p.

¹⁸ *Блэкмор С.* Эволюция меметических машин // Dr. Susan Blackmore: [персональный сайт]. URL: <https://www.susanblackmore.uk/conferences/the-evolution-of-meme-machines-russian-translation> (дата обращения: 05.05.2020).

Memetics — Evolutionary Models of Information Transmission¹⁹) исследователи констатировали кризис меметики в ее первоначальном виде — как «одного из возможных языков описания, не сумевших состояться в качестве теории, которая могла бы обеспечивать приращение знания»²⁰. Тем не менее, несмотря на констатацию исследователями кризисного состояния меметики как интеллектуальной парадигмы, сам феномен мема не только не исчез из культурного поля как факт, но и, напротив, получил новый виток развития — воплотившись в форме интернет-мема.

Очертим круг проблем, стоящих перед меметикой как теоретической дисциплиной. С одной стороны, весьма спорен ключевой тезис Докинза о «естественности» (то есть самопроизвольности) культурного отбора: например, возможно ли исключить из поля зрения политические и идеологические процессы и считать естественным отбор мемов в рамках, например, программы культурных преобразований Петра I? Вызывает вопросы сама природа этого отбора: каковы факторы, его обуславливающие? В логике дарвиновской концепции механизм генетического отбора регулируется факторами адаптации — на кону выживаемость вида в среде. Но какие адаптационные задачи решает культурный отбор — в случае, когда через категорию мема описываются не повседневные, прагматические, культурные практики, а «рефлексирующая» деятельность, направленная на осмысление устройства мира и человека (область искусства), — между какими гегелевскими противоположностями совершается выбор? Или как быть с тем, что не все идеи связаны между собой именно меметической причинно-следственной логикой наследования — то есть не все идеи являются мемами: как отличить культурную стратегию меметического копирования от любой иной культурной стратегии наследования, которая не подчинена меметическому принципу²¹? Или как — в случае все же

¹⁹ Журнал выходил с 1997 по 2005 год (Journal of Memetics — Evolutionary Models of Information Transmission. URL: <http://cfpm.org/jom-emit> (дата обращения: 02.07.2020)).

²⁰ Фомин И. В. Семиотика или меметика? К вопросу о способах интеграции социально-гуманитарного знания // Полис. Политические исследования. 2015. № 3. С. 78.

²¹ Lewens T. Op. cit. (дата обращения: 27.06.2020).

меметической причинно-следственной логики наследования — обнаружить источник копирования мемов (и возможно ли вообще возвести процесс репликации к единому источнику?): примером такого проблемного для меметики (и излюбленного для нее) поля является религиозность, индивидуальные причины которой могут быть различны (и множественны) — от случайного влияния харизматичного евангелиста до семейного воспитания или воздействия общества²².

С другой стороны, вызывает вопросы основополагающее для концепции Блэкмор умозаключение о механистическом, бессознательном, не зависящем от воли «посредника-носителя» распространении мемов²³. Зазор обнаруживается при обращении к «поведению» конкретного материала, которое противоречит функционированию абстрактных моделей: например, создание интернет-мема (особенно литературного) требует высокого уровня творческой вовлеченности, креативности (и, соответственно, компетентности) — то есть подразумевает актуализацию индивидуальности. Для создания интернет-мема необходимы знание различных культурных контекстов и умение с ними взаимодействовать — соотносить их между собой.

Ряд проблематизирующих концепцию меметики вопросов этим не ограничивается. Не имеет, в сущности, четко очерченных границ предмет меметики. Мем определяется как минимальная единица культурной информации, но до сих пор неясно, какого объема и какой структуры информационную единицу следует считать минимальной для адекватного описания морфологии культурного мышления. С этой проблемой связана еще одна — проблема дифференциации мема от других сходных по функции единиц, ассоциирующихся с различными научными парадигмами, — например, таких как конструкт, стереотип, паттерн, топос.

²² *Lewens T.* Op. cit. (дата обращения: 27.06.2020).

²³ Сам Докинз в книге «Расширенный фенотип» пишет, что «мутация» мемов может быть не только случайной, но и направленной (*Dawkins R.* The Extended Phenotype: The Long Reach of the Gene. Oxford: Oxford University Press, 1999. 336 p.).

Тем не менее, как представляется, эвристический потенциал меметики для гуманитарных наук исчерпан отнюдь не полностью: это подтверждают, в частности, результаты новейших исследований антрополога Альберто Ачерби в области эволюции культуры, в которых активно используются методы *digital humanities*²⁴. Хотя цифровые гуманитарные методы для Ачерби — это прежде всего математические, компьютерные методы анализа данных, за таким специфическим, узким пониманием *digital humanities* угадывается более широкая сфера информационных технологий, открывающая перспективный путь для развития гуманитарного знания.

Критика концепции мемов направлена в основном на чрезмерное отождествление процессов биологической и культурной эволюции²⁵. И она совершенно справедлива: полную аналогию между генетическими и культурными механизмами отбора и наследования провести не удастся (например, хотя бы потому, что в подавляющем большинстве случаев невозможно достоверно определить источник того или иного мема — он наследуется одновременно из множества источников, с различными мутациями) — однако это не говорит о несостоятельности меметики. Общность меметики и дарвиновской теории прослеживается на глубинном уровне — в самом принципе эволюционного моделирования, который может быть результативным в случае обращения к конкретному материалу.

²⁴ В книге *Cultural Evolution in the Digital Age* Ачерби демонстрирует возможность применения количественных методов для анализа эволюции культурных процессов в до-цифровую и цифровую эпохи. В частности, автора интересуют следующие вопросы: «Есть ли принципиальные различия между социальным влиянием в онлайн-пространстве и предшествующими формами социального влияния? Усиливают ли цифровые медиа влияние славы и авторитет знаменитостей? Какие психологические факторы способствуют распространению ложной информации в интернете? Как сверхдоступность информации в интернете влияет на культурное производство?» (*Acerbi A. Cultural Evolution in the Digital Age // Oxford University Press : [сайт издательства]. URL: <https://global.oup.com/academic/product/cultural-evolution-in-the-digital-age-9780198835943?cc=gb&lang=en&#>* (дата обращения: 02.07.2020)) (перевод наш. — О. М.). Главная идея автора сводится к следующему: «“культура” — это не поле действия случайных сил, а качество, которым в некоторой степени наделены предметы, идеи и поведенческие практики. Социальное влияние не осуществляется слепо и автоматизированно, и есть множество причин того, почему культурные явления становятся успешными: и “когнитивные предпочтения — лишь одна из них» (*Acerbi A. Cultural Evolution in the Digital Age // Oxford Scholarship Online. URL: <https://oxford.universitypressscholarship.com/view/10.1093/oso/9780198835943.001.0001/oso-9780198835943-chapter-9>* (дата обращения: 02.07.2020)) (перевод наш. — О. М.).

²⁵ *Lewens T. Op. cit.* (дата обращения: 27.06.2020).

Формирование специфического, более узкого, проблемного поля — переход от создания «теории всего» к изучению развития частных культурных процессов, — думается, позволит концептуализировать объект меметики и определить его конститутивные признаки. Мы предлагаем в качестве такой области приложения теоретических сил поле литературы — литературные мемы в интернет-пространстве.

Концепция меметических машин и Т-мемов Блэкмор, о которой говорилось выше, отчасти навеяна опасениями исследовательницы (и небезосновательными) по поводу стремительного роста роли интернета — среды, предлагающей готовые сценарии мышления и ограничивающей выбор (ср., например, механизм контекстной рекламы или подбора ответов на поисковые запросы) — в жизни (или даже жизнеобеспечении) общества. Действительно, в современном мире значительная (и все увеличивающаяся) часть человеческого взаимодействия сконцентрирована в виртуальном пространстве, где одной из разновидностей мемов и каналом опосредованной интернет-коммуникации являются интернет-мемы.

1.2. Подходы к изучению интернет-мема

Что такое интернет-мем? В ряде русскоязычных работ представлено узкое понимание интернет-мема как полимодального дискурса, сочетающего в себе вербальный и визуальный компоненты, — то есть это изображение, сопровождаемое текстом²⁶. Такое определение справедливо, но лишь для некоторых, хотя и преобладающих количественно, интернет-мемов: речь здесь, скорее, о жанре — формально дифференцируемой структурной единице, чем о целостном объекте, имеющем особую природу. Мы понимаем интернет-мем в широком смысле — так, как его определяет Оксфордский словарь английского языка: «An image, video, piece of text, etc., typically

²⁶ См., например: *Канашина С. В.* Что такое интернет-мем? // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2017. № 28. С. 84–90; *Карташова Е. П., Ахмедзянова А. Р.* Интернет-мем как основной вид креолизованного текста в самопрезентации «человека творящего» // Вестник Марийского государственного университета. 2019. № 3. С. 426–430.

humorous in nature, that is copied and spread rapidly by internet users, often with slight variations»²⁷. Это определение актуализирует конститутивные признаки интернет-мема: в пространстве интернета мем служит посредником в коммуникации, имеет форму медийной единицы, является «вирусным» и, как правило, смешным. Набор этих признаков задает оптику изучения феномена интернет-мема.

В рамках семиотического подхода, где на первый план выходит формальная сторона, интернет-мем рассматривается как знак особого типа — симулякр²⁸. Если структура мема предполагает несколько слоев кодирования, то тогда может быть проведена аналогия со стадиями формирования симулякра — знака без референта, знака, отсылающего только к другой знаковой реальности (по концепции Ж. Бодрийяра²⁹). По мере обращения в коммуникативном поле интернета мем проходит четыре стадии наполнения смыслом: «отражение реальности, когда будущий мем отражает только исходный материал; искажение фундаментальной реальности, когда мем воспринимается только в соотношении с “фоном”; маскировка фундаментальной реальности, когда мему начинают приписывать определенные черты; самостоятельное существование, когда мем окончательно теряет связь с исходным объектом и соотносится только с другими мемами»³⁰. Конечно, не все интернет-мемы являются симулякрами, симулятивный принцип описания структуры не универсален³¹. Тем не менее, проблематизируя механизм смыслопорождения, он обнаруживает сложность природы интернет-мема — его двуплановую контекстуальность: корреляцию

²⁷ Изображение, видео, фрагмент текста и т. п., обычно юмористического характера, которые копируются и стремительно распространяются интернет-пользователями, часто с небольшими изменениями (перевод наш — О. М.). Meme // Oxford English Dictionary. URL: <https://www.oed.com/> (дата обращения: 27.06.2020).

²⁸ Зиновьева Н. А. Анализ процесса конструирования смысла интернет-мема // Дискуссия. 2013. № 9. С. 133–137.

²⁹ Бодрийяр выделяет следующие последовательные фазы развития образа в симулякр: «он отражает фундаментальную реальность; он маскирует и искажает фундаментальную реальность; он маскирует отсутствие фундаментальной реальности; он вообще не имеет отношения к какой бы то ни было реальности, являясь своим собственным симулякром в чистом виде» (Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляции / пер. с фр. А. Качалова. М.: ИД «ПОСТУМ», 2015. С. 12).

³⁰ Зиновьева Н. А. Указ. соч. С. 137.

³¹ Пример симулякра — интернет-мем Loss: Мемы как симулякр // apollo complex : [страница в социальной сети «ВКонтакте»]. URL: <https://vk.com/@apolloncomplex-memy-kak-simulyakr> (дата обращения: 28.07.2020).

мемов друг с другом и с внешней реальностью. И здесь семиотический подход накладывает свои ограничения: это отвлеченное рассмотрение структуры, не учитывающее как контекст, так и другие факторы — например, роль сообщества и т. п.

Более продуктивной выглядит концепция С. Каннизаро³². Она предлагает понимание интернет-мемов как знаковых систем, акцентируя внимание не на структуре кода, а на канале передачи. Знаковая система — это код, который может быть *дешифрован* — то есть подразумевает наличие адресата. В этой перспективе на первый план выдвигается коммуникативный аспект: мем — это особый язык интернет-общения, который подлежит изучению с точки зрения лингвистики, теории коммуникации, социологии и культурологии.

1.3. Коммуникативный и смеховой потенциал интернет-мема

Распространение интернет-мемов осуществляется, как правило, в пределах сетевого сообщества — то есть у каждого мема есть определенная аудитория (группа «носителей языка»), которая может быть описана. Владение этим языком означает включенность в некоторое сообщество, порою весьма закрытое, с высоким порогом вхождения — такое как, в частности, сообщество обучающихся в одном университете или — чуть уже — на одном факультете: например, сообщество филологического факультета СПбГУ в социальной сети «ВКонтакте»³³, в котором публикуются как интернет-мемы, посвященные повседневной реальности студентов всего университета — например интернет-мем, посвященный сумме стипендии универсантов (рис. 1.1. Приложения) или университетской информационной рассылке (рис. 1.2. Приложения), — так и специфически «филологические» меммы: например интернет-мем, посвященный

³² Cannizzaro S. Internet memes as internet signs: A semiotic view of digital culture // Sign Systems Studies. 2016. Vol. 44. №. 4. Pp. 562–586.

³³ Факультет Мемологии СПбГУ: [страница в социальной сети «ВКонтакте»]. URL: https://vk.com/memes_spbu (дата обращения: 28.04.2021).

взаимодействию студентов с администрацией факультета (рис. 1.3. Приложения) или недостаткам благоустройства территории факультета (рис. 1.4. Приложения). Мемы, таким образом, структурируют сетевое социальное пространство, задавая идентификационную оппозицию «свой / чужой»³⁴: «Человек, успешно раскодирующий культурный смысл мемов сообщества и правильно использующий их в коммуникации, тем самым маркирует свою принадлежность к сообществу»³⁵. Думается, что дело здесь не только в успешном раскодировании смысла, но и в способности мема реализовать для отдельного участника сообщества свою смеховую функцию: чувство коллективной солидарности возникает в большей степени в результате эмоционального отклика (ты можешь над этим посмеяться — значит, ты один из нас). Так, согласно результатам социологического опроса, проведенного Е. Н. Лысенко, основная цель использования интернет-мемов молодыми людьми в возрасте 18–22 лет — получение эмоций, а главное для них в интернет-меме то, насколько сильный комический эффект он производит³⁶. Распространение мемов участниками сетевого сообщества можно объяснить не только эмоционально-коммуникативными факторами, но и более сложно организованным смысловым потенциалом мемов. Интернет-мем аккумулирует в себе культурный опыт конкретного сообщества, облекая его в сжатую запоминающуюся форму³⁷. Он репрезентирует коллективный опыт и позволяет приобщиться к нему, стать одним из его сосоздателей, в том числе и через социальную эмоцию — смех. Отмеченное качество позволяет включить интернет-мем в контекст других явлений смеховой культуры и тем самым постараться прояснить его специфику.

³⁴ Марченко Н. Г. Интернет-мем как хранилище культурных кодов сетевого сообщества // Казанская наука. 2013. № 1. С. 114.

³⁵ Зиновьева Н. А. Указ. соч. С. 134.

³⁶ Лысенко Е. Н. Интернет-мемы в коммуникации молодежи // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. 2017. № 4. С. 410–424.

³⁷ Зиновьева Н. А. Указ. соч. С. 133.

М. М. Бахтин рассматривает смех как стихию истины и освобождения — карнавал не просто подобен «живой жизни», но он и есть сама жизнь в ее принципиальной разомкнутости, неготовности³⁸. Но если карнавальное освобождение для Бахтина — это освобождение прежде всего социальное (от социальной маски, навязанной «официальной» культурой), то для С. С. Аверинцева это освободительная сила более широкого действия, подразумевающая устранение вообще всяких условностей³⁹. Со свойством смеха преодолевать социальные, этические, эстетические и прочие границы связана другая его «преодолевающая» способность, направленная на коллективный стресс: в акте смеха субъект как бы дистанцируется от объекта, отстраняется от него морально (об этом писал еще А. Бергсон: «комическое для полноты своего действия требует как бы кратковременной анестезии сердца»⁴⁰) — такова природа смеха над страшными или трагическими событиями, имеющая терапевтический эффект. Однако этот же спрос на противостояние негативному (в любых его проявлениях) пронизывает и практику повседневного бытия: М. Ротанова и М. Федорова, исследуя юмористическую природу интернет-мема, связывают его функцию с ежедневной потребностью человека визуализировать экзистенциальные проблемы⁴¹: см., например, мемы, опубликованные сообществом «Трансцендентальный кот» в социальной сети «ВКонтакте»⁴² (рис. 1.5. и рис. 1.6. Приложения) или мем про главных экзистенциалистов в массовой культуре — Жан-Поля Сартра, Франца Кафку и Альбера Камю (рис. 1.7. Приложения).

Смех принципиально коммуникативен, социален: «Как бы ни был смех искренен, он всегда таит в себе мысль о соглашении <...> — почти о

³⁸ Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М.: Художественная литература, 1990. 543 с.

³⁹ Аверинцев С. С. Бахтин, смех, христианская культура // Аверинцев С. С., Давыдов Ю. Н., Турбин В. Н. и др. Бахтин как философ. М.: Наука, 1992. С. 7–19.

⁴⁰ Бергсон А. Смех / пер. с фр. И. Гольденберга. М.: Искусство, 1992. С. 14.

⁴¹ Rotanova M., Fedorova M. Internet meme as the Cyber Laughter Culture Phenomenon in Modern Russian Digital Society // Communication Strategies in Digital Society Workshop. 2019. 10–11 April. Pp. 65–69.

⁴² Трансцендентальный кот: [страница в социальной сети «ВКонтакте»]. URL: <https://vk.com/trcat> (дата обращения: 28.04.2021).

заговоре с другими смеющимися лицами, действительными или воображаемыми»⁴³ — «смех в своей сфере восстанавливает нарушенные в другой сфере контакты между людьми»⁴⁴.

С одной стороны, интернет-мем в силу своей смеховой природы является коммуникативным пространством культурного опыта — культурной идентичности, открытым становящейся действительности. С другой стороны, в современной культурной практике, чтобы событие атрибутировалось сообществом как культурный факт, закрепилось в культурной памяти и опыте сообщества, получило статус легитимного, ему необходимо превратиться в интернет-мем: это стало мемом — следовательно, существует⁴⁵.

1.4. Структура интернет-мема

Потенциальная симулятивность интернет-мема обнаруживает его главное структурно-семантическое качество — контекстуальность. Интернет-мем конструируется за счет отсылок, соотносимых с двумя планами — планом виртуальной и планом внешней реальности. Наличие отсылок к плану виртуальной реальности означает включенность интернет-мема в контекст других интернет-мемов — через его соотнесенность с некоторым воспроизводимым из мема в мем (не обязательно точь-в-точь — вариативность ограничена лишь необходимостью сохранения узнаваемости визуального сюжета) визуальным рядом (возведенный в абсолют принцип отсылки к другим мемам создает симулякр). Наличие отсылок к плану внешней реальности означает включенность интернет-мема в жизненный контекст — через его соотнесенность с коллективным и/или

⁴³ Бергсон А. Указ. соч. С. 15.

⁴⁴ Лихачев Д. С., Панченко А. М. «Смеховой мир» Древней Руси. Л.: Наука, 1976. С. 4.

⁴⁵ См. подборки интернет-мемов, посвященных различным событиям актуальной новостной повестки, регулярно публикуемые онлайн-медиа «Медуза»: например, подборку мемов о главных событиях 2020 года (Насколько ужасен 2020 год, настолько же хороши его мемы. Только благодаря им нам удалось все это вытерпеть. Вот список самых лучших по версии «Шапито» // Meduza. 2021. 1 января. URL.: <https://meduza.io/slides/naskolko-uzhasen-2020-god-nastolko-zhe-horoshi-ego-memy-tolko-blagodarya-im-nam-udalos-vse-eto-vyterpet-vot-spisok-samyh-luchshih-po-versii-shapito> (дата обращения: 27.04.2021)).

индивидуальным (но в конечном счете все равно коллективным — потому что, как можно предположить, на основе солидарности индивидуальных опытов мем формирует коллективную идентичность) бытийным опытом.

Проиллюстрируем наши рассуждения о структуре интернет-мема примером — цепочкой интернет-мемов, посвященных одному и тому же событию. 23 марта 2021 года в Суэцком канале сел на мель контейнеровоз «Эвер Гивен», на несколько дней заблокировав движение по каналу. Эта ситуация повлияла на мировую экономику: по данным Lloyd's List, час блокировки канала обошелся компаниям в четыреста миллионов долларов⁴⁶ — а еще стала предметом активного обсуждения в интернет-пространстве и, конечно, объектом интернет-мемов⁴⁷. Интернет-мемы используют в основном единый визуальный сюжет, который в общем виде можно свести к такой смысловой схеме: существует некоторая проблема, решить которую пытаются несоизмеримыми с масштабом самой проблемы — несоизмеримо малыми — средствами.

Все три изображения (рис. 1.8., рис. 1.9. и рис. 1.10. Приложения) отсылают к одной и той же реальной исторической ситуации — аварии судна «Эвер Гивен» в Суэцком канале. Эта отсылка формируется узнаваемым визуальным рядом (условным картографическим изображением на рис. 1.8. и фотоснимком с места событий на рис. 1.9. и рис. 1.10.) — она расположена в плане внешней реальности и отражает коллективный опыт. За счет воспроизводимости в интернет-мемах отсылка к внешней реальности виртуализируется и создает новый контекст: теперь каждый мем оказывается соотнесен с другими мемами, апеллирующими к тому же самому фрагменту внешней реальности. Подписи формируют третий ряд отсылок и подключают еще один контекст, вновь расположенный в плане внешней реальности, —

⁴⁶ «Эвер Гивен» в Суэцком канале: заторы в Средиземном и Красном морях все сильнее, потери для экономики все больше // BBC News. 2021. 26 марта. URL: <https://www.bbc.com/russian/news-56522082> (дата обращения: 02.04.2021).

⁴⁷ Schaverien A. Why the internet loves the Suez Canal stuck ship saga // The New York Times. 2021. March 27. URL: <https://www.nytimes.com/2021/03/27/world/suez-canal-stuck-ship-memes.html> (дата обращения: 02.04.2021).

это отражение индивидуального опыта (будь то опыт человека, пытающегося справиться с прокрастинацией составлением списка дел; человека, пытающегося уравновесить свое эмоциональное состояние ежедневной прогулкой, или человека, читающего «Войну и мир»). Этот индивидуальный опыт выносится в публичное поле и становится коллективным благодаря солидаризации с ним других носителей подобных индивидуальных опытов (такая солидарность может выражаться в виде лайков, репостов и комментариев к публикации).

Другой пример — интернет-мемы с Доге и Чимсом, ставшие популярными в 2020 году. В основе таких мемов лежит единый визуальный шаблон — изображение двух собак породы сиба-ину: «Собак зовут Доге и Чимс. Доге — это сиба-качок, которая часто представляет что-то или кого-то из прошлого (раньше было лучше!). А Чимсу остается только сидеть и мямлить — само собой, он олицетворяет современность»⁴⁸. Противопоставление великого прошлого куда менее великому настоящему (рис. 1.11., рис. 1.12., рис. 1.13. Приложения) — хотя и распространенный сюжет таких мемов, но лишь один из возможных: универсальность шаблона позволяет смоделировать довольно широкий круг разнообразных жизненных ситуаций (см., например, рис. 1.14., рис. 1.15., рис. 1.16. Приложения). Перед нами вновь двухплановая структура. Воспроизведение единого визуального шаблона формирует виртуальный контекст — именно этот контекст специфицирует дальнейшее употребление шаблона, конкретизирует его как интерпретативную рамку, накладываемую на фрагмент внешней реальности: обобщенно говоря — сопоставляются два элемента действительности, один из которых явно уступает другому по некоторым принципиальным параметрам. План внешней реальности — план жизненного (коллективного)

⁴⁸ Все как-то мраченько... Не расстраивайтесь! У нас хотя бы есть мемы с сиба-ину — о разнице поколений (хотя они тоже немного обидные) // Meduza. 2020. 4 июля. URL: <https://meduza.io/shapito/2020/07/04/vse-kak-to-mrachnenko-ne-rasstrai vaytes-u-nas-hotya-by-est-memy-s-siba-inu-o-raznitse-pokoleniy-hotya-oni-tozhe-nemnogo-obidnye> (дата обращения: 04.04.2021).

опыта, рефлексия над которым осуществляется мем посредством визуального шаблона.

Еще один пример — интернет-мемы, построенные на игре слов: за основу берется название какой-либо еды и соединяется с созвучным ему именем какого-либо известного человека (чаще всего — российского эстрадного артиста), в результате чего возникает каламбур: «Мармеладзе», «Колбасков», «Килькоров», «Желепс» и т. п. (рис. 1.17. Приложения)⁴⁹ — из этого же разряда литературный мем «Чебупьери» (рис. 1.18. Приложения). Визуальный шаблон здесь более абстрактен, чем в двух других примерах: это уже не конкретное изображение, а сам принцип «изображения» — не конкретная модель, а сам принцип моделирования, подключающий вербальную составляющую (формула этого принципа такова: изображение еды с лицом знаменитости плюс каламбур). Воспроизведение этого принципа означает отсылку к другим мемам, построенным по тому же принципу, — так формируется виртуальный контекст. Отсылки к реальным личностям соотносятся с планом внешней реальности и апеллируют к некому общему знанию (представлению о том, кто этот изображаемый человек) — коллективному опыту.

Мы рассмотрели три примера — все это интернет-мемы одного формального типа: они выглядят как изображение с подписью. Но и мемы других типов обладают описанной нами структурой. Интернет-мем «никто, абсолютно никто» может существовать в разных типологических вариантах — например, как статичное изображение с подписью (рис. 1.19. Приложения), как анимированное изображение с подписью или как только текст (рис. 1.20. Приложения)⁵⁰. Структура всех вариантов идентична:

⁴⁹ Желепс, Колбасков, Мармеладзе. Российских музыкантов превратили в еду // Meduza. 2020. 21 июня. URL: <https://meduza.io/shapito/2020/06/21/zheleps-kolbaskov-marmeladze-rossiyskih-muzykantov-prevratili-v-edu> (дата обращения: 05.04.2021).

⁵⁰ Где построить Санкт-Петербург? Кто уберется в доме? Это мем — про комментарии, которых никто не просит // Meduza. 2019. 1 апреля. URL: <https://meduza.io/shapito/2019/04/01/gde-postroit-sankt-peterburg-kto-uberetsya-v-dome-eto-mem-pro-kommentarii-kotoryh-nikto-ne-prosit> (дата обращения: 05.04.2021).

воспроизводимый вербальный шаблон отсылает к плану виртуальной реальности, а наполнение этого шаблона — к плану внешней реальности.

Структура мема демонстрирует, что он является местом пересечения разноплановых отсылок, разных контекстов — зоной семантического напряжения. В этой зоне пересечения контекстов возникает комический эффект — а значит, смысл интернет-мема. Конструирование комического в меме руководимо логикой абсурда — несочетаемостью, диссонансностью элементов. Наиболее эксплицитно эта логика выражена в мемах, построенных на каламбуре или в мемах, прямо имитирующих абсурдные ситуации, менее эксплицитно — во всех остальных. Чем менее очевидно соположение элементов внутри мема, чем сильнее нарушение ожидания, чем более мем «абсурден», тем он смешнее. Векторы иронии интернет-мема всесторонни — они направлены одновременно во все структурные контексты.

Использование одного и того же визуального шаблона для разных ситуаций формирует «память шаблона» (по аналогии с «памятью жанра»⁵¹ — со всеми оговорками, разумеется). Иными словами, смеясь над новым мемом (= новыми подписями к известному шаблону), мы соотносим с новым контекстом другие контексты (виртуальные и реальные), уже известные нам по мемам, использующим тот же шаблон. В результате возникает довольно сложная (в зависимости от нашей компетенции, нашего горизонта) траектория смысловых ассоциаций, которую есть все основания описывать как приращение опыта (на базе приращения смысла). Мем как бы учит своего адресата сопрягать неочевидные вещи, открывает возможность комбинирования разноуровневого и разнородного материала. Важно, что связи, устанавливаемые между мемами, построенными на одном визуальном шаблоне, — это связи как бы пунктирные, имеющие качество дополнительности, что-то сродни механизмам интертекста. Но в результате

⁵¹ Бочаров С. Г. Генетическая память литературы. М.: РГГУ, 2012. 341 с.

создается та ткань, которая делает интеллектуально осязаемыми и сшитыми между собой полотна жизненного и культурного опытов.

Глава 2. Литературные интернет-мемы как зеркало современных читательских практик

Интернет-мем — неотъемлемый элемент структуры современного культурного поля, отражающий коллективный опыт. Что может дать обращение к таким образом закапсулированному опыту филологу? Ролан Барт в докладе «О чтении» ставит проблему поиска «релевантного уровня» для изучения процесса читательской рецепции — научного метода, адекватного исследуемому феномену и подразумевающего наличие «релевантных объектов» и собственно релевантных уровней — различных уровней чтения⁵². Разумеется, не претендуя на роль Ф. де Соссюра для лингвистики, осмелимся предположить, что в качестве такого «релевантного уровня» может выступить концепция мемов — в частности интернет-мем. На наш взгляд, анализ литературных интернет-мемов — имитационных цепочек — может быть весьма результативен для получения выводов о том, кто такой современный читатель и как и что он читает.

В социальной сети «ВКонтакте» существует несколько сообществ, посвященных мемам о литературе. Одно из них, в числе наиболее крупных, — Literary Memes⁵³.

2.1. Аудитория сообщества Literary Memes

По данным на 23 февраля 2021 года, общее количество подписчиков сообщества Literary Memes — 103 775 аккаунтов. Общее количество уникальных посетителей страницы за период с 23 января по 23 февраля 2021 года — 9 763 аккаунта⁵⁴. Согласно статистике посещаемости страницы за период с 23 января по 23 февраля 2021 года, бóльшая часть аудитории

⁵² Барт Р. О чтении // Барт Р. Система моды. Статьи по семиотике культуры / пер с фр., вступ. ст. и сост. С. Н. Зенкина. М.: Издательство им. Сабашниковых, 2003. С. 489–499.

⁵³ Literary Memes : [страница в социальной сети «ВКонтакте»]. URL: https://vk.com/literary_memes (дата обращения: 03.08.2020).

⁵⁴ Статистика сообщества находится в открытом доступе: Статистика // Literary Memes : [страница в социальной сети «ВКонтакте»]. URL: <https://vk.com/stats?act=reach&gid=115167546> (дата обращения: 06.04.2021).

сообщества — молодые люди в возрасте от 18 лет до 21 года (29% женщин и 11,1% мужчин от числа всех посетителей страницы), на втором месте — молодые люди в возрасте до 18 лет (22,6% женщин и 5,3% мужчин от числа всех посетителей страницы), на третьем — молодые люди в возрасте от 21 года до 24 лет (10,7% женщин и 5,7% процентов мужчин от числа всех посетителей страницы). В статистике охвата аудитории за тот же период на первом месте — молодые люди в возрасте от 18 лет до 21 года (31,7% женщин и 9,6% мужчин от общего числа охватов), на втором — молодые люди в возрасте от 21 года до 24 лет (20% женщин и 9,3% мужчин от общего числа охватов), на третьем — молодые люди в возрасте до 18 лет (8,9% женщин и 2,6% мужчин). Диаграммы посещаемости страницы сообщества (рис. 1) и охвата аудитории (рис. 2) за период с 23 января по 23 февраля 2021 года представлены ниже.

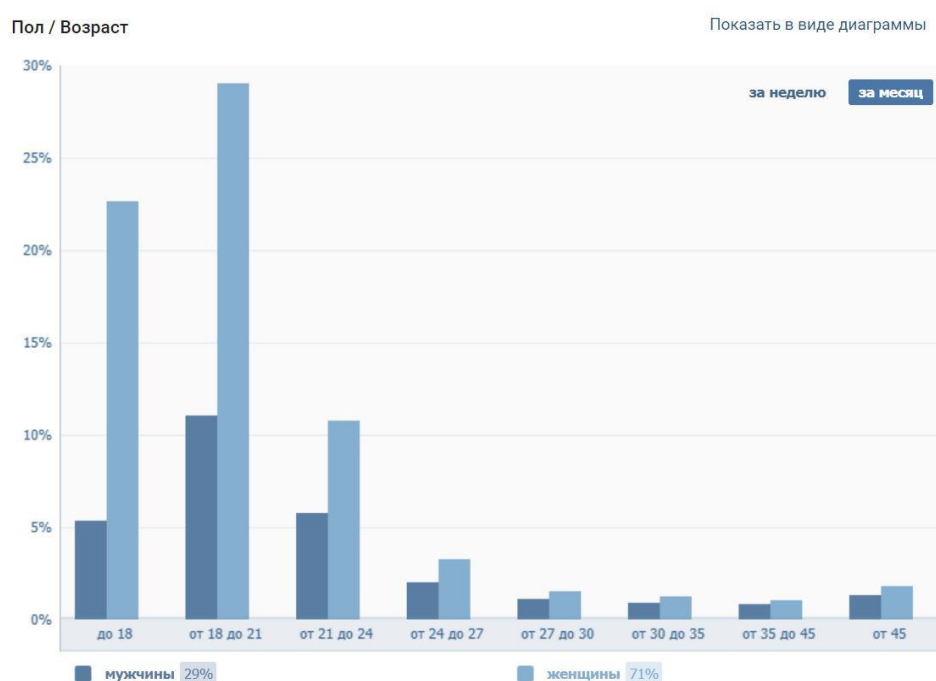


Рис. 1. Посещаемость сообщества Literary Memes за период с 23 января по 23 февраля 2021 года.

Большая часть охваченной сообществом аудитории и большая часть посетителей сообщества за все время⁵⁵ — из России (93,12% от общего числа охватов и 91,84% от числа всех посетителей страницы).

⁵⁵ По данным на 27 февраля 2021 года.

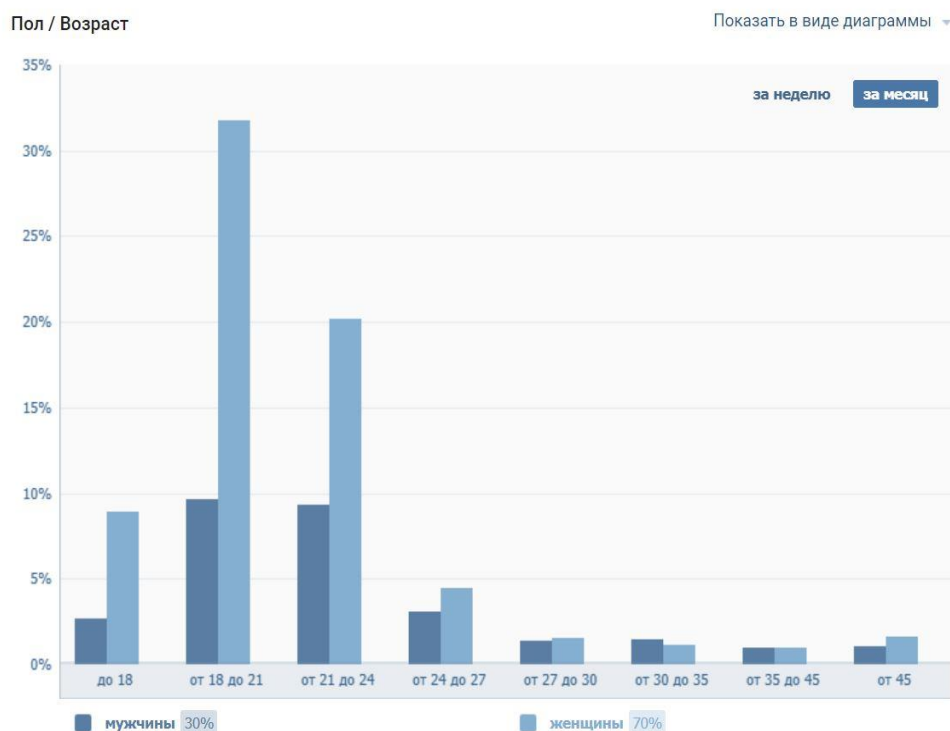


Рис. 2. Охват аудитории сообщества Literary Memes за период с 23 января по 23 февраля 2021 года.

По данным на 6 апреля 2020 года, общее количество подписчиков сообщества — 103 797 аккаунтов. Общее количество уникальных посетителей страницы за период с 6 марта по 6 апреля 2021 года — 6 511 аккаунтов. Согласно статистике посещаемости страницы за период с 6 марта по 6 апреля 2021 года, бóльшая часть аудитории сообщества — молодые люди в возрасте от 18 лет до 21 года (26,5% женщин и 14,5% мужчин от числа всех посетителей страницы), на втором месте — молодые люди в возрасте до 18 лет (18,7% женщин и 5,3% мужчин от числа всех посетителей страницы), на третьем — молодые люди в возрасте от 21 года до 24 лет (11,8% женщин и 7,1% процентов мужчин от числа всех посетителей страницы). В статистике охвата аудитории за тот же период на первом месте — молодые люди в возрасте от 18 лет до 21 года (31,4% женщин и 9,9% мужчин от общего числа охватов), на втором — молодые люди в возрасте от 21 года до 24 лет (20,9% женщин и 9,4% мужчин от общего числа охватов), на третьем — молодые люди в возрасте до 18 лет (8,1% женщин и 2% мужчин). Диаграммы посещаемости страницы сообщества (рис. 3) и

охвата аудитории (рис. 4) за период с 6 марта по 6 апреля 2021 года представлены ниже.

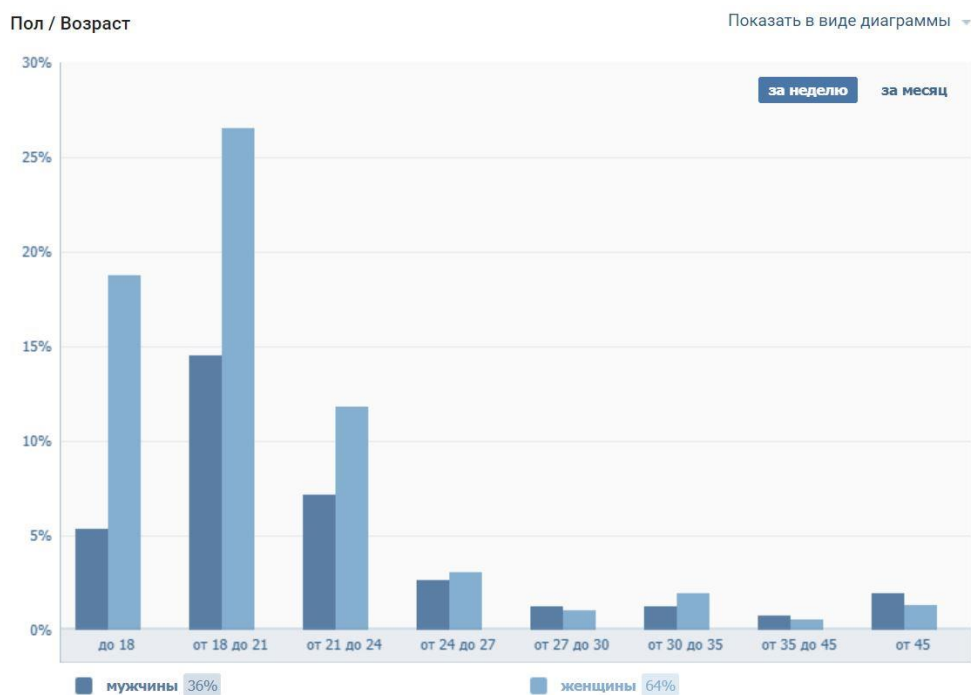


Рис. 3. Посещаемость сообщества Literary Memes за период с 6 марта по 6 апреля 2021 года.

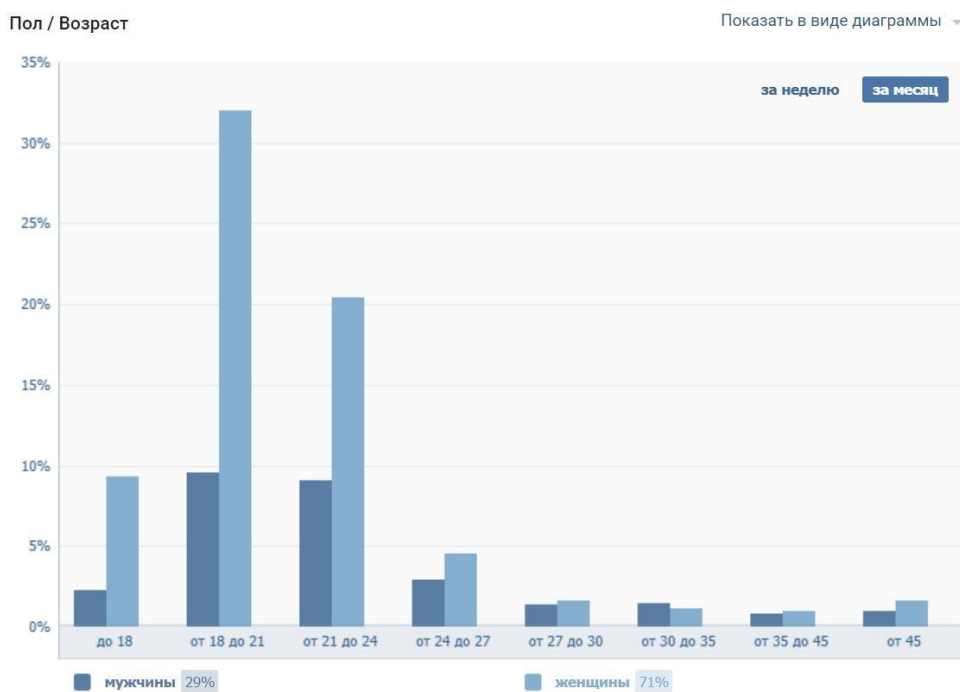


Рис. 4. Охват аудитории сообщества Literary Memes за период с 6 марта по 6 апреля 2021 года.

Итак, статистические данные позволяют составить социологический портрет аудитории сообщества. «Типичный» пользователь Literary Memes — в настоящем или в недавнем прошлом ученик⁵⁶ российской школы⁵⁷, а значит — главный читатель русской классической литературы — корпуса текстов, закрепленных школьной программой в статусе канонических.

2.2. Тематическое поле сообщества Literary Memes

Проанализируем, каким образом организовано тематическое поле Literary Memes. На диаграммах ниже представлено количество упоминаний⁵⁸ тех или иных русскоязычных и зарубежных авторов⁵⁹ (рис. 5.) и произведений русской и зарубежных литератур (рис. 6), а также количество упоминаний более широких «сюжетов», таких как читательский и жизненный опыт, теория и история литературы / литпроцесс и характеристика русской литературы в целом (рис. 7), в мемах, опубликованных сообществом за девять месяцев — с 13 августа 2020 года по 14 апреля 2021 года.

Параметры, представленные на диаграммах, позволяют выдвинуть критерий для классификации материала: специфика содержания интернет-мема — то, к какой именно (конструируемой) реальности в первую очередь он отсылает. Так, литературный интернет-мем может быть собственно текстуальным — апеллирующим к художественной реальности (мемы про сюжет, литературных персонажей и т. п.) (рис. 2.1. Приложения), «внешнелитературным» (мемы про факты биографии писателей и литературной жизни) (рис. 2.2. Приложения) и «идентификационным» — апеллирующим к читательскому (рис. 1.10, рис. 2.3 Приложения) и

⁵⁶ Мы не учитываем гендерные различия пользователей как не принципиальные для нашей работы.

⁵⁷ Школы в обобщенном смысле — как институционального образования, выполняющего государственный и социальный заказ по «воспитанию» граждан.

⁵⁸ Диаграммы отражают именно количество упоминаний того или иного тематического элемента в меме — не количество отдельных мемов. То есть в одном меме могут упоминаться сразу несколько выделенных нами тематических элементов.

⁵⁹ Учитывались только упоминания биографических сведений об авторе или информации, связанной с творчеством автора в целом.

жизненному опыту создателя и/или реципиента (рис. 2.4., рис. 2.5. Приложения).

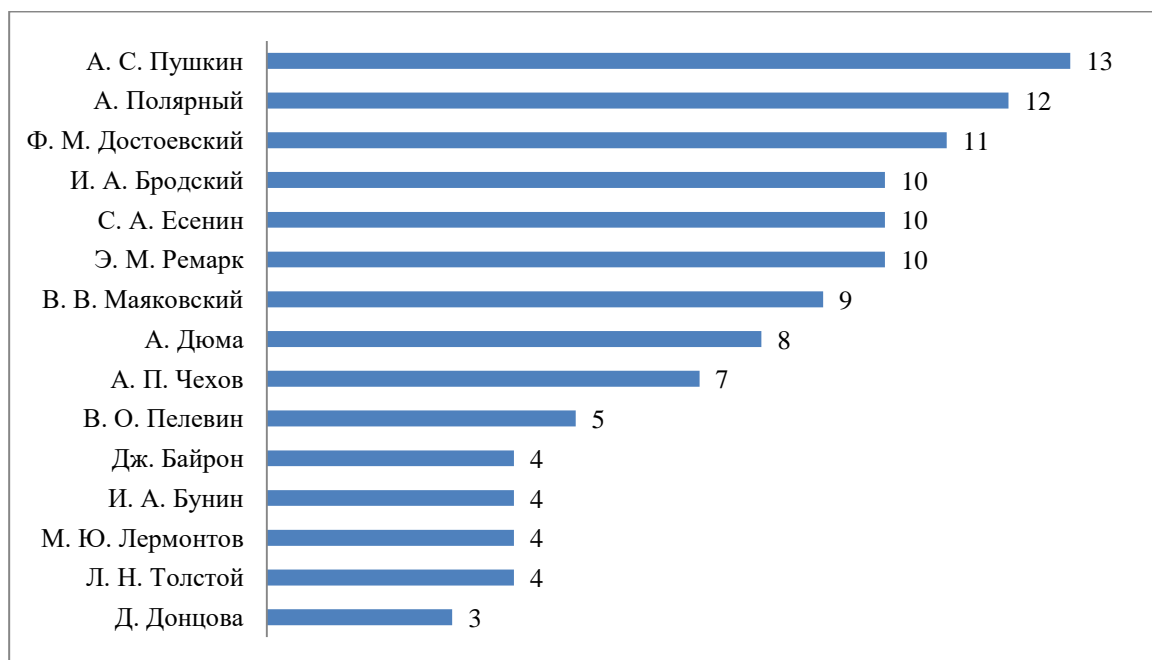


Рис. 5. Количество упоминаний русскоязычных и зарубежных авторов в мемах, опубликованных сообществом Literary Memes за период с 13 августа 2020 года по 14 апреля 2021 года.

Мы выделяем «идентификационный» мем как один из трех возможных типов — но здесь следует сделать оговорку. Этот тип опознаваем по эксплицированному, «буквальному» идентификационному сюжету — как, например, в интернет-меме про отождествление с конкретным литературным героем (рис. 2.4., рис. 2.5. Приложения). Однако, в сущности, любой интернет-мем (в том числе любой литературный) является «идентификационным» — постольку, поскольку он коммуникативен. Интернет-мем — это на особом языке, посредством особой знаковой системы закодированный культурный смысл. Вспомним знаменитую схему Р. Якобсона: чтобы коммуникативный акт состоялся, необходим релевантный адресат сообщения — дешифрующее код сознание⁶⁰. И способность раскодировать смысл определенного интернет-мема означает

⁶⁰ Якобсон Р. Лингвистика и поэтика / пер. с англ. И. А. Мельчука // Структурализм: «за» и «против»: сб. статей / под ред. Е. Я. Басина и М. Я. Полякова. М.: Прогресс, 1975. С. 193–230.

причастность к группе других таких же способных раскодировать этот смысл реальных или воображаемых реципиентов (и потенциальных создателей) — то есть интернет-мем, таким образом, конструирует идентичность сообщества некоторых «своих» — тех, кто обладает общностью культурного опыта.

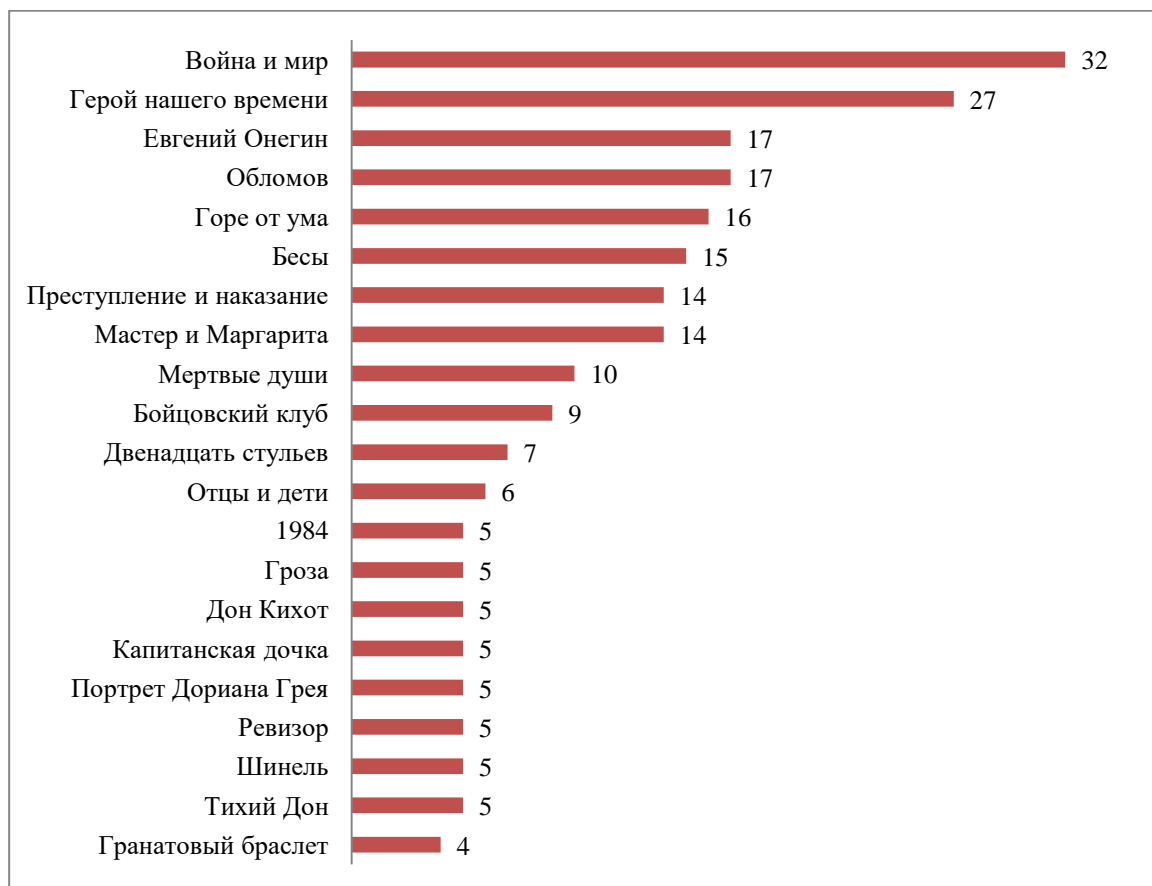


Рис. 6. Количество упоминаний произведений русской и зарубежной литератур в мемах, опубликованных сообществом Literary Memes за период с 13 августа 2020 года по 14 апреля 2021 года.

Итак, как видно по диаграммам, тематика сообщества Literary Memes включает в первую очередь классику — преимущественно русскую (чаще всего в мемах упоминаются «Война и мир» и «Герой нашего времени»), на втором месте, примерно с одинаковой частотой упоминания, — «Евгений Онегин», «Обломов» и «Горе от ума»; из авторов — Пушкин, Достоевский, Есенин, Маяковский, Чехов), но в том числе и зарубежную (Ремарк, Дюма, Байрон, «1984» Оруэлла), а также современную русскую и зарубежную

литературу с устоявшимся репутацией и эстетическим статусом — признанную «хорошей» (Бродский, Пелевин, «Бойцовский клуб» Чака Паланика) или, наоборот, «очень плохой» (Александр Полярный и Дарья Донцова).

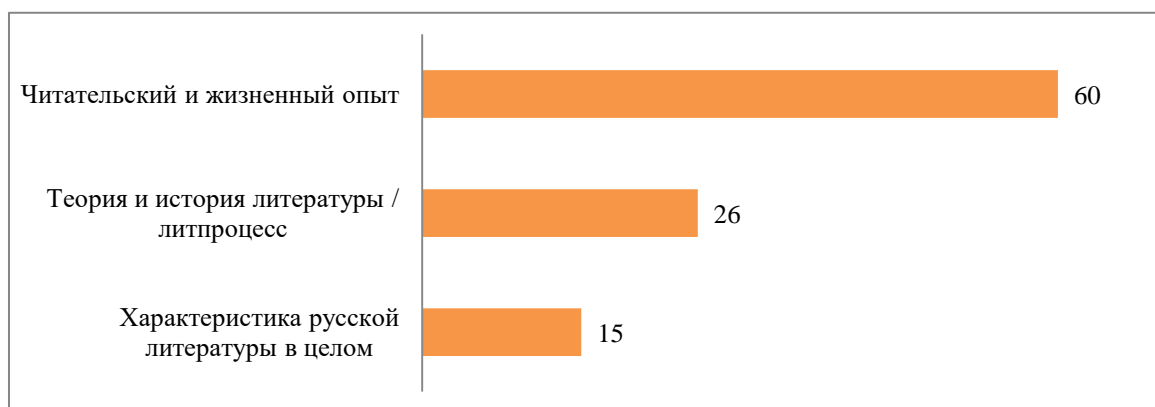


Рис. 7. Количество упоминаний таких широких тематических элементов, как читательский и жизненный опыт, теория и история литературы / литпроцесс и характеристика русской литературы в целом, в мемах, опубликованных сообществом Literary Memes за период с 13 августа 2020 года по 14 апреля 2021 года.

Интернет-мем, очевидно, работает с каноном — прежде всего со «школьным» (отсюда многочисленные мемы, посвященные авторам и произведениям из школьной программы по литературе), но также и с каноном иного уровня — условным каноном: корпусом имен и текстов, знание которых и особое, общепринятое (то есть принятое в сообществе), отношение к которым формирует идентичность читательского сообщества (отсюда мемы про Бродского, Виктора и Александра Пелевиных, Полярного, Донцову, «Бойцовский клуб»).

При этом литературный интернет-мем не требует ни от реципиента, ни даже от своего создателя обязательно быть читателем (читателем в «традиционном» смысле — тем, кто прочел книгу, что называется, от корки до корки) тех текстов, к реальности которых он отсылает. Как представляется, в этом случае имеет место принцип восприятия, постулируемый П. Байяром, — когда, получить представление о движении

литературного процесса в целом важнее, чем о содержании конкретного произведения⁶¹. Через литературный интернет-мем читатель обращается не с самим текстом, а с неким резюмирующим его значение тематическим элементом — с некоторыми триггерными, узловыми, точками, к которым может быть сведен текст, с отобранными сигналами культурного восприятия. Сюжетный репертуар литературных интернет-мемов не безграничен, а, наоборот, принципиально органичен: отсылки к одному и тому же литературному содержанию могут транслироваться из мема в мем — меняется лишь шаблон, визуальная составляющая. Так, сквозным концептуальным сюжетом мемов, отсылающих к роману Чака Паланика «Бойцовский клуб», становится раздвоение (или даже растроение) личности рассказчика (рис. 2.6., рис. 2.7., рис. 2.8. Приложения), к «Обломову» — «спасение» Ильи Ильича (рис. 2.9., рис. 2.10., рис. 2.11. Приложения) и его «диванный» образ жизни (рис. 2.5., рис. 2.12., рис. 2.13. Приложения), к «Войне и миру» — небо над Аустерлицем и дуб Болконского (рис. 2.14., рис. 2.15., рис. 2.16., рис. 2.17. Приложения), к «Горю от ума» — риторический вопрос Чацкого (рис. 2.18., рис. 2.19., рис. 2.20., рис. 2.21. Приложения) и его резонерское амплуа, к «Герою нашего времени» — «токсичность» Печорина (рис. 2.22., рис. 2.23., рис. 2.24. рис. 2.25. Приложения) и т. д.

Мы говорим о тексте — то есть о собственно текстуальном интернет-меме, — чтобы не удаляться от предмета исследования, но на самом деле такая сквозная сюжетность характерна и для «внешнелитературного» интернет-мема: см., например, интернет-мемы, отсылающие к фактам личной жизни Владимира Маяковского (рис. 2.26., рис. 2.27., рис. 2.28. Приложения), к легенде о том, что Пушкин и Дюма — это один и тот же человек (рис. 2.29., рис. 2.30., рис. 2.31. Приложения) или к отзывам Бунина о современниках (рис. 2.3., рис. 2.32., рис. 2.33. Приложения).

⁶¹ *Байяр П.* Искусство рассуждать о книгах, которых вы не читали / пер. с фр. А. Поповой. М.: Текст, 2012. 185 с.

2.3. Интернет-мем и литературный канон: проблема идентичности и культурного воображаемого

Анализ материала, опубликованного сообществом Literary Memes, позволяет сделать следующие выводы. Во-первых, интернет-мем сохраняет базовые, «традиционные», оценки: книги Александра Полярного⁶² и в мемах — «плохая» литература (рис. 2.34., рис. 2.35. Приложения), русская классика и в мемах — про страдание⁶³ (рис. 2.36., рис. 2.37. Приложения), а Пушкин и в мемах — «солнце русской поэзии» (рис. 2.38., рис. 2.39. Приложения).

Во-вторых, вместе с тем, исходя из статистических данных, можно предположить, что рефлексия мема реструктурирует иерархические отношения внутри историко-литературного поля. Хотя мем может задавать вполне традиционный (то есть культурно поддерживаемый) модус оценки того или иного произведения или автора, сам факт представленности имен и текстов, тяготеющих к разным — противопоставляемым — культурным полюсам («высокому» и «низкому»), в едином пространстве мема (как рефлексивной стратегии) говорит о трансформации поля конвенциональных ценностных доминант. Мемы про Александра Полярного встречаются почти так же часто, как и мемы про Пушкина — а это очевидно разновеликие в культуре фигуры: фигура Пушкина сакральна для воображаемого культурной традиции (культурный статус Пушкина — статус главного русского классика), тогда как творчество Александра Полярного очень низко оценивается как непрофессиональным критическим сообществом —

⁶² Александр Полярный — современный российский писатель, автор книг, ориентированных на подростковую читательскую аудиторию, — таких как «Мятная сказка» и ее продолжение «Снежная сказка», а также написанная им в соавторстве с Мистером Сопкиным книга «Юпи». Известен не только своими текстами, но и своей репутацией — манипулированием своей читательской аудиторией: угрозами совершить самоубийство, если тираж книги «Юпи» не будет раскуплен (см.: Буракова С. Автор подросткового бестселлера обещал «уйти из жизни», если его новую книгу плохо раскупят. Писатели осудили его за манипуляции детьми // Такие дела. 2020. 24 августа. URL: <https://takiedela.ru/news/2020/08/24/polyarny-yupi/> (дата обращения: 14.05.2021)).

⁶³ Представление о том, что русская литература одна из самых «страдальческих» (если не самая) в мире — «общее место». См., например: «Любить — значит страдать». Почему герои русской литературы с детства калечат нам психику // ADME. URL: <https://www.adme.ru/svoboda-avtorskie-kolonki/stradat-obyazatelno-pochemu-knigi-kotorye-nas-zastavlyali-chitat-v-shkole-my-ne-stanem-sovetovat-svoim-detyam-2355865/> (дата обращения: 17.04.2021).

книжными блогерами⁶⁴, так и «обычными» читателями⁶⁵ — и эти устойчивые культурные значения учитывает мем.

Итак, модальность мема в целом соответствует общекультурной модальности, но ирония мема — сама возможность этой иронии — индифферентна к какому бы то ни было закреплённому культурному статусу: конечно, можно посмеяться над Александром Полярным, но так же можно посмеяться над Пушкиным — и вообще над кем и чем угодно. Мем не то чтобы «десакрализует» сакральное — он нивелирует саму категорию сакрального — а значит, снимает с культурного значения качество «готовности», «завершённости», открывает диалогическое пространство становящегося смысла — пространство культурного диалога, зону контакта разных культурных опытов. Какие культурные опыты встречаются в этом пространстве становящегося смысла и над чем и зачем смеется литературный интернет-мем?

Напомним: основная аудитория сообщества Literary Memes — ученики или недавние выпускники школ. Школьная программа решает за счет классического текста конкретную воспитательную задачу — «обеспечение культурной самоидентификации»⁶⁶ обучающегося. Таким образом, «школьный» опыт прочтения классического текста всегда опосредован культурой (в ее институционализированном, функциональном изводе) — классический текст как бы заранее, априорно культурно, а значит и семантически, заряжен: он должен быть прочитан определенным образом и с определенной целью. В результате читатель имеет дело не с литературой в ее непосредственной данности индивидуального здесь-сейчас восприятия, а с

⁶⁴ См., например, некоторые из многочисленных видеобзоров на «Ютубе»: *Anthony Uly*. МЯТНАЯ СКАЗКА | Полярный и самый грандиозный книжный развод! : [любительское видео] // YouTube. 2019. 20 августа. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=fOXUEsDIi3I&t=644s> (дата обращения: 15.03.2021); *UncleShurik*. СНЕЖНАЯ СКАЗКА // УЖАСНОЕ ПРОДОЛЖЕНИЕ МЯТНОЙ СКАЗКИ : [любительское видео] // YouTube. 2020. 6 декабря. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=jxjtxMZ-Low> (дата обращения: 15.03.2021).

⁶⁵ См., например, отзывы пользователей портала «Лайвлиб» на первую книгу Александра Полярного «Мятная сказка»: *Полярный А.* Мятная сказка // Лайвлиб. URL: <https://www.livelib.ru/book/1002752896-myatnaya-skazka-aleksandr-polyarnyj> (дата обращения: 15.03.2021).

⁶⁶ Приказ Министерства образования и науки РФ от 17 декабря 2010 г. № 1897 «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта основного общего образования» // ГАРАНТ.РУ. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/55070507/> (дата обращения: 17.03.2021).

мифом о литературе — теми исторически сложившимися и легитимированными, превращенными в канонические, «готовыми» смыслом и восприятием, иными словами — с культурным воображаемым.

Школьная программа по литературе в своей образовательной функции отсылает к некому общекультурному знанию — через посредничество литературы предполагается усвоение некоего общего культурного кода⁶⁷ — набора аксиологических установок, ценностных выборов, ролевых моделей, обеспечивающих коммуникацию и структурирующих социальное пространство через дихотомию «свой / чужой». И «усвоение» (а не «освоение») — главное проблематизирующее слово в таком подходе: идентификационная парадигма, выстраиваемая каноном, воспринимается как нерелевантная актуальной действительности — как неприложимая к ней. «Школьную» русскую классику часто критикуют за ее «безжизненность» — непонятность, а главное — неблизость современному неподготовленному, тем более — юному, читателю. Например, преподаватель Роман Лазебников высказывается о школьной программе по литературе так: «Я абсолютно искренне не понимаю, зачем подросткам читать русских классиков 19 века. По моему глубокому убеждению, книги существуют для того, чтобы читатели могли лучше понять себя и мир, в котором им выпало воплотиться. А теперь вопрос: каким образом современный подросток может себя ассоциировать с героями русской канонической литературы, если в его глазах Онегин, Печорин, Обломов, Раскольников и далее по списку являются законченными “печальными лохами”. Извините. Их поступки, мотивация, депрессивно-абстинентные состояния совершенно непонятны моим ученикам»⁶⁸.

⁶⁷ Роль художественной литературы в формировании (по принципу преемственности) единого культурного пространства отмечают и родители — как выяснила, проведя опрос, Р. В. Раппопорт (см.: *Раннопорт Р. В. Читай не хочу. Что мешает ребенку полюбить книги*. М.: Индивидуум, 2021. 256 с.).

⁶⁸ Лазебников Р. Классическая литература в школе XXI века: почему дети её не понимают // Мел. 2019. 16 января. URL.: <https://mel.fm/blog/roman-lazebnikov/95743-klassicheskaya-literatura-v-shkole-xxi-veka-pochemu-deti-eye-ne-ponimayut> (дата обращения: 24.03.2021).

Русская классика внеположена любому актуальному, становящемуся — личному, «своему», проверяемому в практике сообщества (в противовес «готовому», «чужому», культурно предзаданному) опыту, она стерильна, дистиллирована — внедискуссионна (в том смысле, что даже при возможной в «продвинутых» школах вариативности некоторых аспектов интерпретации итог один — выход к заранее заданным, конвенциональным культурным смыслам), потому что дискуссия синонимична в этом случае посягательству на абсолютную культурную ценность⁶⁹. «Увы, как правило, ребенок должен воспроизвести на уроке и в сочинении точку зрения учителя, которая почерпнута из методичек и критических статей», — пишет Римма Раппопорт⁷⁰. И даже если в каких-то частных, конкретных педагогических практиках это не так — концептуально ничего не меняется, так как описываемый в классике мир (и человек, и его отношения с миром, и его ценностные выборы и проч.) — исторически уже слишком дистанцирован от современного школьника. Имеют значение и языковая удаленность (так, как в книгах, сегодня не говорят), и смена ментальности, и иная логика социальных конфликтов и отношений. Вечное содержание, которое всегда использовалось как контраргумент временной текучести и изменчивости заслонено подчеркнуто чужим поведенческим опытом, чужим набором сценариев поступков и чувствований, тем самым никак не связано с самой актуальной возрастной задачей — задачей освоения сценариев повседневной жизни.

Тем не менее, как представляется, «безжизненность» канона — утрата им связи с современной социальной реальностью отнюдь не отменяет «традиционных» установок — индивидуальной читательской потребности в узнавании собственного опыта в художественном тексте⁷¹ (вспомним

⁶⁹ Об этом, в частности, говорит психолог Катерина Поливанова: «С этими текстами нельзя ничего сделать: их нельзя анализировать, о них нельзя раздумывать. Это абсолютно стерильная классика, это абсолютная истина в последней инстанции». (Поливанова К. Роль чтения в жизни ребенка // ПостНаука. 2016. 18 января. URL.: <https://postnauka.ru/video/57643> (дата обращения: 24.03.2021)).

⁷⁰ Раппопорт Р. В. Указ. соч. С. 139.

⁷¹ Так, результаты социологического исследования Даррена Бартоломея показывают, что читатели младшего школьного и подросткового возраста предпочитают художественные произведения, в которых есть

реакцию Макара Девушкина на «Шинель») и коллективной читательской потребности в конструировании социальной идентичности за счет художественного текста. Историческая (в истории русской литературы определенная институтом литературной критики и заданная В. Г. Белинским) утилитарная функция литературы — конструирование культурной — национальной — идентичности. Исторически в социокультурной перспективе литература выступает средством аксиологической медиации — транслятором конвенциональных ценностей и норм, успешное усвоение которых на индивидуальном уровне обеспечивает идентификационную — культурную — целостность сообщества. Социолог Абрам Рейтблат пишет: «Основная функция литературы — поддержание культурной идентичности общества на основе тиражируемой письменной записи»⁷². Ту же идею встречаем в очерке Льва Гудкова и Бориса Дубина «Литература как социальный институт»: «Литература определяется <...> как социальный институт, основное функциональное значение которого полагается нами в поддержании культурной идентичности общества... <...> Литература <...> выделяется как едва ли не единственное средство тематизации и трансляции неспециализированных (“общечеловеческих”) значений и образцов действия, чувствования, отношения к различным символическим объектам»⁷³.

Литературовед Галин Тиханов отмечает как общую тенденцию возвращение в современном поле культуры утилитарного запроса к литературе, но в новом виде: «То, что пришло на смену теории и сделало ее существование в чистом виде уже невозможным, — это своеобразное возвращение утилитарного подхода к литературе и искусству. Прежде речь шла о специфических чертах литературы, а теперь фокус сместился на

персонажи, похожие на участников этих групп по идентификационным параметрам — таким как гендер, возраст, этническая принадлежность и т. п. (*Bartholomew D. Finding Identity Through Literature // Capstone Projects and Master's Theses. 2019. URL: https://digitalcommons.csumb.edu/caps_thes_all/698/ (дата обращения: 01.05.2021)*).

⁷² Рейтблат А. И. Русская литература как социальный институт // Рейтблат А. И. Писать поперек: Статьи по биографии, социологии и истории литературы. М.: Новое литературное обозрение, 2014. С. 13.

⁷³ Гудков Л., Дубин Б. Литература как социальный институт // Гудков Л., Дубин Б. Литература как социальный институт: Сборник работ. 2-е изд., доп. М.: Новое литературное обозрение, 2020. С. 47–48.

индивидуальное удовольствие и терапевтический эффект чтения, а также на ту роль, которую она играет в политике идентичности. В XIX веке на литературу тоже смотрели с утилитарной точки зрения: она была инструментом создания национальной культурной идентичности, играла важную роль в общественных дискуссиях о свободе, равенстве и так далее. Сейчас это коллективное измерение утилитарности возвращается в ином виде. Литература сегодня конструирует групповые идентичности (часто речь идет о меньшинствах, которые сталкиваются с дискриминацией)⁷⁴.

Справедливость этих слов по отношению к современной — текущей, создаваемой у нас на глазах — литературе кажется неоспоримой: как читательский, так и писательский спрос на конструирование коллективной идентичности за счет художественного текста сегодня действительно очень высок⁷⁵. Но эти слова не менее справедливы и по отношению к классике: «...Мне, допустим, ужасно не хватало в детстве, в подростковом возрасте, даже сейчас не хватает, литературы, которая будет мало-мальски отражать мой опыт», — говорит поэтесса Оксана Васякина⁷⁶.

Итак, перед нами, с одной стороны, «пятнадцать иконок на стене класса литературы»⁷⁷ — «безжизненный» мифологизированный школьный канон, который не отвечает запросам современного юного читателя и который, казалось бы, этому читателю малоинтересен, но знание которого обязательно, а с другой стороны — неутомимо множимые этим же читателем интернет-мемы, предметом которых является содержание этого канона. И интернет-мем показывает, что читательская ассоциация с героями классических произведений возможна — и с Онегиным, и с Печориным, и с Обломовым (см. рис. 2.4. и рис. 2.5. Приложения). В чем же дело? Значит ли

⁷⁴ Митрошенков К. «Литература сегодня конструирует групповые идентичности, она перестала быть самоценной»: Интервью с литературоведом Галином Тихановым // Горький Медиа. 2021. 4 марта. URL: <https://gorky.media/context/literatura-segodnya-konstruiuet-grupповye-identichnosti-ona-perestala-byt-samotsennoj/> (дата обращения: 25.03.2021).

⁷⁵ Например, проект «Ф-письмо» занимается созданием литературного прецедента, воплощающего квір- и фем-опыт (Ф-письмо // сигма. URL: <https://syg.ma/f-writing> (дата обращения: 26.03.2021)).

⁷⁶ Бояркина П. Оксана Васякина: «Мы даже не представляем, что за бомба у нас в руках»: интервью // Прочтение. 2021. 9 марта. URL: <https://prochtenie.org/texts/30508> (дата обращения: 25.03.2021).

⁷⁷ Там же (дата обращения: 26.03.2021).

это, что констатировать нерелевантность — прежде всего идеологическую, то есть мировоззренческую — классического текста для современного читателя преждевременно? Какую проблему решает реципиент классического текста за счет интернет-мема?

Интернет-мем — напряженное смысловое пространство, конструируемое множеством текстуальных и контекстуальных связей. Такова его дискурсивная природа — он одновременно отсылает к различным культурным значениям. Интернет-мем — пространство конфликта различных культурных значений, пространство диалогического конфликта различных культурных опытов — воображаемых действительностей, но в то же время — пространство компромисса, возможного благодаря трансформации актуальных культурных значений. Структурная зона трансформации актуального культурного значения — элемент комического в интернет-меме. Если анекдот закрепляет, автоматизирует культурное значение, то интернет-мем же, наоборот, остраивает его за счет своей принципиальной вариативности: мем обновляет культурное значение, помещая его в неожиданный, деавтоматизирующий контекст — контекст других мемов (а значит, других культурных значений). Чем неожиданнее несовпадение, диссонанс контекстов, тем смешнее мем и тем сильнее остраивающий культурное значение эффект.

Итак, литература в своей социальной функции — область конструируемых (воображаемых) значений, которые становятся основанием формирования социокультурной идентичности⁷⁸. В литературном интернет-меме сталкиваются различные культурные опыты: обобщенная культурная идентичность (идентичность воображаемого сообщества), формированию и поддержанию которой должен способствовать

⁷⁸ Исследователь проблемы нации и национализма Бенедикт Андерсон ввел термин «воображаемые сообщества»: это сообщества, члены которых ввиду невозможности личного контакта между ними «солидаризированы унифицированным воображением» (Баньковская С. Воображаемые сообщества как социологический феномен // Андерсон Б. Воображаемые сообщества: размышления об истоках и распространении национализма / пер. с англ. В. Г. Николаева под ред. С. П. Баньковской. ; вступ. ст. С. П. Баньковской. М.: Кучково поле, 2016. 416 с.).

институционализированный — прочитываемый в школьной программе определенным образом — художественный текст и коллективные идентичности, формируемые иными культурными контекстами, в которых участвует читатель.

Одна из смысловых точек пересечения этих опытов в литературном интернет-меме — литературный герой. Институционализированный канон предписывает читателю выстраивать собственную культурную идентичность за счет солидаризации с определенными героями классических текстов. Так, на интернет-портале «ГодЛитературы.РФ», учрежденном «Российской газетой» — официальным печатным органом Правительства Российской Федерации, в материале, посвященном анализу романа И. А. Гончарова «Обломов», читаем следующее: «...Нынешнему школьнику Штольц намного ближе Обломова. Современных ребят — в большинстве своём — рассуждения о “золотом сердце” не убеждают, а читать о терзаниях прокрастинирующего Ильи Ильича откровенно скучно. <...> Зато Штольц у юных читателей вызывает уважение: он и родителей не посрамил, и другу попытался помочь, состоялся и как профессионал, и как семьянин (курсив наш. — О. М.)»⁷⁹.

Очевидно, что речь здесь идет не столько о герменевтической интерпретации героев романа, сколько о построении модели идентичности, которая может (и должна) быть присвоена школьником. Но и главное познавательное усилие интернет-мема как минимум сродни идентификационному: оно состоит в том, чтобы опознать что-то или кого-то как аналогичное, установить схожесть различного и далекого. Литература в своей «школьной» функции работает с идентичностью — с идентичностью же работает и литературный интернет-мем.

Институционализированный канон предписывает читателю принять ролевую модель Штольца — выстроить собственную идентичность на основе

⁷⁹ Разумихина О. В помощь школьнику. 10 класс. И. А. Гончаров. «Обломов» (1859) // ГодЛитературы.РФ. 2020. 2 октября. URL.: <https://godliterature.ru/articles/2020/10/02/v-pomoshch-shkolniku-10-klass-i-a-goncharov-oblomov-1859> (дата обращения: 24.02.2021).

этого образа. Примечательно, что интернет-мем демонстрирует предпочтение аналогии с другим героем: современному читателю близок отнюдь не Штольц, а именно «прокрастинирующий Илья Ильич».

Сквозным сюжетом мемов, отсылающих к роману И. А. Гончарова «Обломов», становится «диванный» образ жизни Ильи Ильича (рис. 2.12., рис. 2.13., рис. 2.40. — рис. 2.49. Приложения). Интернет-мемы конструируют (или, точнее, ре-конструируют — отталкиваясь от текста и «школьной», классической интерпретации) образы главных героев романа, воспроизводя устойчивую схему их взаимоотношений. Илья Ильич традиционно пассивен и апатичен, а деятельный Штольц и добросердечная Ольга пытаются его «спасти» — воскресить к жизни, при этом подчеркиваются зависимость Ильи Ильича от Штольца, его покровительствующая роль (рис. 2.9., рис. 2.10., рис. 2.11., рис. 2.41., рис. 2.50., рис. 2.51. Приложения). Мем не переосмысляет концепцию героя, но «остраняет» ее — за счет иронии, возникающей благодаря взаимодействию различных неожиданных контекстов (в том числе визуального ряда).

Ирония (или, иначе, юмор) — важный элемент повествовательной системы самого романа: ирония прежде всего направлена на образ главного героя (так, основной прием главы «Сон Обломова» — комическое сопоставление) — и поэтически (драматически и даже трагически⁸⁰) заряжена: «внешняя комическая трактовка сочетается <...> с внутренней серьезностью»⁸¹. В результате ирония «Обломова», становясь средством «воплощения тяжелых драматических и непримиримых трагических конфликтов как в душе героя, так и в его взаимоотношениях с миром»⁸², задает особый рецептивный модус: «Юмор дает читателю возможность пережить своеобразный катарсис, принять с улыбкой сообщения, которые в

⁸⁰ Лоскутникова М. Б. Ирония в романе И. А. Гончарова «Обломов» // Вестник Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина. 2012. № 1. С. 15–23.

⁸¹ Отрадин М. В. К вопросу о своеобразии эпической объективности и роли юмора в романе И. А. Гончарова «Обломов» // Материалы юбилейной гончаровской конференции 1987 года / под ред. Н. Б. Шарыгиной. Ульяновск: Симбирская книга, 1992. С. 115–126.

⁸² Лоскутникова М. Б. Указ. соч. С. 23.

другом освещении могли бы вызвать совсем другие чувства. <...> Судьба Обломова с ее трагическим смыслом — очень существенная правда о жизни, но все-таки не “вся” жизнь. Читатель подготовлен к тому, чтобы принять итог художественного осмысления трагического противоречия»⁸³. Функция гончаровской иронии — примиряющая: ирония примиряет поэтическую трагедию с повседневной жизненной действительностью.

В этом интернет-мем совпадает с «авторской» стратегией текста. Ирония мема снижает пафос концепции Обломова, приближает образ героя и его опыт к читателю, ре-актуализируя в культуре литературный сюжет романа. Через литературный интернет-мем читатель как бы присваивает себе этот опыт, солидаризируется с ним, идентифицирует себя через конструируемый образ героя. Герой как бы становится на один уровень с читателем, воспринимается им как «свой» — «такой же, как я».

Интернет-мем воспринимает культурную оппозицию образов Обломова и Штольца и учитывает то, что воображаемое культурной традиции отдает предпочтение второму (рис. 2.50. Приложения), но он учитывает не только опыт традиции, но и иной, повседневный, культурный опыт — ориентированный на обломовский тип. И распознавание в образе Обломова «триггерных точек» актуальной повседневности, заложенных в личном опыте читателей, и делает этот образ таким «мемным». Образ Обломова собирательный, как и образ Штольца, — но Штолец, как показывает интернет-мем, интересен читателю лишь в связке с Обломовым, как элемент, работающий на конструирование смыслового поля Обломова. Нам не встретилось ни одного «идентификационного» интернет-мема, в котором читателю предлагалось бы ассоциировать себя со Штольцем — и, как представляется, причина этому в релевантности именно черт Обломова (а не Штольца) — лень и праздность, апатичность, склонность к бесплодным мечтаниям, беспомощность перед жизненными (бытовыми,

⁸³ *Отрадин М. В.* К вопросу о своеобразии эпической объективности и роли юмора в романе И. А. Гончарова «Обломов». С. 125.

социальными) сложностями — для личного, повседневного, опыта читателя. Тогда выходит, что образ Штольца для реципиента абстрактен как литературный идеал, в то время как образ Обломова конкретен как ценностная координата актуальной повседневности — понятен читателю по его собственному жизненному опыту. Предпочесть условное лежание на диване (которое идет вкупе с «диванным философствованием») условным делам или встрече с друзьями (то есть любому — как неприятному, так и конвенционально приятному — времяпрепровождению) — это так называемое *guilty pleasure* вне социальных рамок, как вне социальных рамок — и некая бытовая и социальная дезориентированность. Комичность мема возникает не только за счет смеха над героем, но и во многом — за счет смеха «над собой»: я как Обломов (а Обломов — как я), и от этого мне смешно. Самоирония — культурное «изобретение» интернет-мема, размывающее границу между опытом литературного текста и личным опытом читателя.

Таким образом, литература в рецепции мема сохраняет в социальном дискурсе свою медиальную — идентификационную — функцию, но ирония мема — смех и над пафосом романа, и над самим собой как читателем и как человеком, которому ничто человеческое не чуждо, — перенаправляет эту медиальную функцию в иную, чем «школьная», ценностную парадигму, более сложно устроенную — в которой быть Обломовым, может, немного и стыдно, но непременно смешно и человечно — и поэтому легитимно.

Симптоматично, что релевантность именно образа Обломова актуальной повседневной действительности (в связи «терапевтическим поворотом» — широким распространением идей популярной психологии, прежде всего концепции «здоровых отношений»⁸⁴) отмечает и социолог Полина Аронсон: «Идеальный любовник этого мира, действительно, уже не

⁸⁴ См., например, один из многочисленных материалов женского интернет-журнала Wonderzine по тегу «абьюз»: Пивоварова А. Эмоциональное насилие: Как противостоять абьюзеру, если уйти нельзя // Wonderzine. 2017. 24 октября. URL: <https://www.wonderzine.com/wonderzine/life/life/230372-abuser-lifehacks> (дата обращения: 25.04.2021).

Вронский и не Печорин, а совершенно неожиданный персонаж — Илья Ильич Обломов, на пике влюбленности в Ольгу Сергеевну заключивший для себя, что ему “к лицу покой, хотя скучный, сонный; а с бурями я не управлюсь”. Любовь — это слишком большой проект, на который уставшему субъекту постмодерна (особенно в его постсоветском изводе) просто не хватает сил»⁸⁵.

Принципиально, что интернет-мем не предлагает новую интерпретацию образа Обломова — в этом смысле он действует в рамках готовой культурной традиции, заданной академическим прочтением романа⁸⁶. Интернет-мем интерпретирует образ Обломова через традиционную для герменевтического литературоведения и эстетической критики поэтизирующую оптику обломовщины — трагической ситуации неразрешимого конфликта с реальностью («Обломов — как особый тип сознания, которое не приемлет идею постепенного преобразования жизни в соответствии с идеалом, с учетом объективных условий жизни и объективного хода времени. Порыв к гармонии, мечте, к жизни, совпавшей с идеалом, который был рожден свободной творческой фантазией, предстает в романе не как черта “чужаков”, время от времени появляющихся в литературе, а как потребность, живущая в каждом человеке, в людях вообще. Такому порыву, такому сознанию, такому герою противостоит не рок, не какие-то враждебные лично ему силы, а объективный ход жизни»⁸⁷). И идентификационная интенциональность мема, таким образом, тоже совпадает с классической рецепцией: традиционно образ Обломова прочитывается как типический — и к типизации (то есть к солидаризации опытов) стремится интернет-мем. Но масштабы этой типизации различны: если канон апеллирует к абстрактным общечеловеческим смыслам и универсальным культурным значениям, то интернет-мем, напротив, к

⁸⁵ Аронсон П. Я. Любовь: сделай сам. Как мы стали менеджерами своих чувств. М.: Индивидуум, 2021. С. 60.

⁸⁶ Отрадин М. В. «Обломов» в зеркале времени // Роман И. А. Гончарова «Обломов» в русской критике : Сб. ст. / сост., авт. вступ. ст. и коммент. М. В. Отрадин. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1991. С. 4–20.

⁸⁷ Отрадин М. В. К вопросу о своеобразии эпической объективности и роли юмора в романе И. А. Гончарова «Обломов». С. 124.

конкретным: потому что эти смыслы и культурные значения известны читателю из его собственного жизненного опыта. Различны и измерения типизации: традиционный конфликт Обломова — «высокий», поэтический, тогда как интернет-мем интересуется повседневностью, бытом — «низменной» жизнью.

Разность масштабов и измерений типизации говорит, на наш взгляд, о смене читательской стратегии — об экспликации потребности в иной читательской рецепции. В воображаемом культурной традиции литература предлагает некоторую «высокую» модель, до которой необходимо «дотянуться» жизни — через воспроизведение этой модели в повседневном личном опыте. Литература — область идеального, и к художественному идеалу хочет стремиться жизнь, что неизбежно ведет к конфликту сценариев.

Что же происходит в интернет-меме? Литературное содержание вовлекается в особую коммуникативную среду. Интернет-мем — средство повседневной, бытовой коммуникации. И литература — область «высоких», «серьезных» культурных смыслов — встраивается в этот повседневный дискурс, становится тем же «мемным» языком повседневного общения, приобретает качество «повседневности».

Литературное содержание выводится интернет-мемом из собственно литературного поля, но при этом не девальвируется (как показывает материал сообщества *Literary Memes*, ценность литературы, ее «традиционная» культурная модальность, сохраняется) — принципиально иной становится логика обращения с этим литературным содержанием. Через структуру интернет-мема литературный контекст подключается к различным другим, нелитературным, контекстам — контекстам, формирующим жизненный мир⁸⁸ социального читателя — «мир, который мы вместе переживаем, мир, смыслы которого подлежат согласованию»⁸⁹, —

⁸⁸ Понятие жизненного мира ввел Э. Гуссерль: см. *Гуссерль Э. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология. Введение в феноменологическую философию* / пер. с нем. Д. Н. Кузницына. СПб.: Наука, 2013. 493 с.

⁸⁹ *Адоньева С. Б. Полнота повседневности* // Адоньева С. Б., Веселова И. С., Мариничева Ю. Ю., Петрова (Матвиевская) Л. Ф. Первичные знаки / Назначенная реальность. СПб.: Пропповский центр, 2017. С. 13.

конвенциональную повседневную реальность. Литература, таким образом, оказывается для читателя не «наджизненна» (как это было «традиционно»), а именно «жизненна» — это уже не идеал, к которому должна стремиться жизнь, а — практически, в буквальном смысле — сама жизнь.

Заключение

Интернет-мем сокращает культурную дистанцию между канонизированным текстом и читателем за счет возможности смеха — художественное произведение осваивается читателем через призму его собственного — релевантного для этого читателя — жизненного опыта. Подключая внеположенные институционализированной культурной повестке идентификационные основания прочтения классического текста, мем выводит его из традиционного иерархизированного поля канона — снимает с классического текста заряд культурной «неприкасаемости», но при этом не лишает этот текст статуса классичности — за счет сохранения общей культурно поддерживаемой модальности. Перед нами качественно новый способ отношения к художественному тексту — с традиционным запросом на поиск идентичности, но без традиционной культурной дистанции: всенаправленный смех мема максимально приближает художественный текст к читателю — читатель воспринимает художественный опыт как собственный, а собственный — как совместимый с художественной реальностью. В результате интернет-мем делает литературное содержание достоянием опыта, как индивидуального, так и коллективного — благодаря коммуникативности интернет-мема.

И универсальность — вневременность, «вечность», общечеловечность классического текста обнаруживается как раз не в усвоении читателем институционально навязываемых ему смыслов, а в самом качестве этого литературного содержания, способного сочетаться, взаимодействовать с разнообразными контекстами жизненного мира читателя, встраиваться в эти разнообразные контексты, формируя различные культурные опыты. Отсюда — регулярное воспроизведение в интернет-мемах одних и тех же устойчивых литературных сюжетов: смысловое поле классического текста как бы пробует себя в различных современных контекстах, используя для этого различные визуальные формы-образы, утверждая тем самым свою

релевантность для разных частных здесь и сейчас формирующихся опытов, — и везде оказывается уместным.

Деиерархизация структуры литературного поля, которую показывает интернет-мем, направляет реципиента, скорее, на логику архива, а не на логику канона (в том смысле, в каком канон противопоставляет архиву Алейда Ассман⁹⁰). Канон осознает себя относительно статичным вместилищем культурных смыслов, прошедших исторический отбор, — так называемого культурного наследия, и функционирует исключительно как ретранслятор этих смыслов: его задача — сохранить и передать культурный смысл в том виде, в каком этот смысл был однажды легитимирован. Архив же содержит информацию «до востребования» — информацию, которая как бы выпала из институтов, а потому может быть переинтерпретирована в новом культурном контексте. Архив подвергает сомнению устойчивость и завершенность любого культурного смысла — он деконструирует и трансформирует смысл — пересоздает его, соотнося с актуальной действительностью⁹¹. Если канон иерархичен — то архив принципиально диалогичен, он не мыслит категорией иерархичности.

Интернет-мем демонстрирует не только трансформацию логики обращения со смысловым полем классики, но и трансформацию самой практики чтения. «Традиционная» читательская стратегия — стратегия индивидуального присвоения: чтение — интимный, личностный психологический процесс, продукт которого — индивидуальное открытие, то, что может понять и почувствовать только один человек во всем мире — «я-субъект» чтения. «Традиционное» чтение — это одинокое, монологичное чтение. Интернет-мем же переворачивает эту логику: он делает опыт взаимодействия с текстом принципиально публичным. Интернет-мем приглашает к акту социального взаимодействия — к разделению личного

⁹⁰ Assmann A. Canon and Archive // Cultural Memory Studies: An international and Interdisciplinary Handbook / ed. by A. Erll, A. Nünning. Berlin, New York: Walter de Gruyter. Pp. 97–107.

⁹¹ Черкасова М. В. «Канон» и «архив» в современной архивной науке США // Поволжский педагогический вестник. 2017. Том 5. № 4 (17). С. 158–162.

опыта с сообществом, к солидаризации с воображаемым сообществом на основании этого опыта — и к диалогу (точнее — даже полилогу) опытов за счет многовариантной контекстуализации, «кастомизации» транслируемого литературой универсального смысла.

Как представляется, мы имеем дело с определенной, более общей, современной социокультурной тенденцией, которая нашла пространство для реализации и в частном поле литературы. Социокультурное «открытие» современности — «открытие» важности публичного разговора об индивидуальном опыте (особенно — об опыте «традиционно» стигматизированном, например таком как опыт участников движения #metoo), который, с одной стороны, остается уникальным опытом конкретной личности (и отсюда утверждение в социальном поле многообразия непохожих, но равных по значимости опытов — и установка на принятие любого опыта), а с другой стороны — оказывается основанием для выстраивания коллективной социокультурной идентичности. Тогда литературный интернет-мем включается в ряд подобных ему явлений — касающихся как реципиента, так и создателя художественного текста.

Аналогичным литературному интернет-мему по принципу действия — принципу медиации — явлением можно считать проект «Кот Бродского» — книжное стендап-шоу, концепцию которого его основательница Ольга Аристова представляет так: «Внутри нашего шоу стендап — это мастерски рассказанная личная история, где личный опыт становится объективным опытом, понятным окружающим. Идя по этой колее, мы разработали принцип нашего литературного стендапа. Это триада: читатель, книга (говоря “книга”, я имею в виду сразу книгу, личность автора и отзывы критиков) и слушатели. Получается, что наши стендаперы читают книги и через свой личный опыт говорят о них так, чтобы у слушателей отозвалось»⁹². Другое явление такого порядка — автофикциональное письмо

⁹² Визель М. «Кот Бродского». «Мне нравится слово “шоу”»: Интервью с создателем и руководителем необычного шоу книжных стендапов Ольгой Аристовой. Часть I. Поговорим «об этом» //

(автофикшен), основная интенция которого — облечь личный опыт в особую коммуникативную форму — форму текста, перевести его в определенное, иное, дискурсивное поле, сделать жизненный опыт автора достоянием текстуального — а значит, артикулировать его публично⁹³.

Представляется, что включение интернет-мема в более широкий контекст проблематики индивидуального и коллективного опыта открывает перспективы его дальнейшего исследования.

ГодЛитературы.РФ. 2020. 4 апреля. URL: <https://godliteratury.ru/articles/2020/04/04/kot-brodskogo-mne-pravitsya-slovo-sh> (дата обращения: 11.05.2021).

⁹³ Например, Оксана Васякина в романе «Рана» так говорит об интенциональности автофикционального письма: «Для меня письмо всегда было способом раскрыть опыт тела, придать телу и опыту значимость и видимость» (*Васякина О. Рана / предисл. П. Барсковой. М.: Новое литературное обозрение, 2021. С. 206.*).

Список использованной литературы

Источники

1. «Любить — значит страдать». Почему герои русской литературы с детства калечат нам психику // ADME. URL: <https://www.adme.ru/svoboda-avtorskie-kolonki/stradat-obyazatelno-pochemu-knigi-kotorye-nas-zastavlyali-chitat-v-shkole-my-ne-stanem-sovetovat-svoim-detyam-2355865/> (дата обращения: 17.04.2021).
2. «Эвер Гивен» в Суэцком канале: заторы в Средиземном и Красном морях все сильнее, потери для экономики все больше // BBC News. 2021. 26 марта. URL: <https://www.bbc.com/russian/news-56522082> (дата обращения: 02.04.2021).
3. Бояркина П. Мария Нестеренко: «Женщины пишут о том, что волнует именно их»: интервью // Прочтение. 2018. 2 июля. URL: <https://prochtenie.org/texts/29447> (дата обращения: 15.05.2021).
4. Бояркина П. Оксана Васякина: «Мы даже не представляем, что за бомба у нас в руках»: интервью // Прочтение. 2021. 9 марта. URL: <https://prochtenie.org/texts/30508> (дата обращения: 25.03.2021).
5. Бро скинул мем: [канал в мессенджере «Телеграм»]. URL: <https://tlgrm.ru/channels/@Bromeeems> (дата обращения: 28.04.2021).
6. Буракова С. Автор подросткового бестселлера обещал «уйти из жизни», если его новую книгу плохо раскупят. Писатели осудили его за манипуляции детьми // Такие дела. 2020. 24 августа. URL: <https://takiedela.ru/news/2020/08/24/polyarny-yupi/> (дата обращения: 14.05.2021).
7. Васякина О. Рана / предисл. П. Барсковой. М.: Новое литературное обозрение, 2021. 280 с.
8. Визель М. «Кот Бродского». «Мне нравится слово “шоу”»: Интервью с создателем и руководителем необычного шоу книжных стендапов Ольгой Аристовой. Часть I. Поговорим «об этом» // ГодЛитературы.РФ. 2020. 4

- апреля. URL: <https://godliteratury.ru/articles/2020/04/04/kot-brodskogo-mne-nravitsya-slovo-sh> (дата обращения: 11.05.2021).
9. Все как-то мраченько... Не расстраивайтесь! У нас хотя бы есть мемы с сибба-ину — о разнице поколений (хотя они тоже немного обидные) // Meduza. 2020. 4 июля. URL: <https://meduza.io/shapito/2020/07/04/vse-kak-to-mrachnenko-ne-rasstraivaytes-u-nas-hotya-by-est-memy-s-siba-inu-o-raznitse-pokoleniy-hotya-oni-tozhe-nemnogo-obidnye> (дата обращения: 04.04.2021).
10. Где построить Санкт-Петербург? Кто уберется в доме? Это мем — про комментарии, которых никто не просит // Meduza. 2019. 1 апреля. URL: <https://meduza.io/shapito/2019/04/01/gde-postroit-sankt-peterburg-kto-uberetsya-v-dome-eto-mem-pro-kommentarii-kotoryh-nikto-ne-prosit> (дата обращения: 05.04.2021).
11. Желепс, Колбасков, Мармеладзе. Российских музыкантов превратили в еду // Meduza. 2020. 21 июня. URL: <https://meduza.io/shapito/2020/06/21/zheleps-kolbaskov-marmeladze-rossiyskih-muzykantov-prevratili-v-edu> (дата обращения: 05.04.2021).
12. Лазебников Р. Классическая литература в школе XXI века: почему дети её не понимают // Мел. 2019. 16 января. URL.: <https://mel.fm/blog/roman-lazebnikov/95743-klassicheskaya-literatura-v-shkole-xxi-veka-pochemu-deti-eye-ne-ponimayut> (дата обращения: 24.03.2021).
13. Лепра : [страница в социальной сети «ВКонтакте»]. URL: <https://vk.com/leprum> (дата обращения: 28.04.2021).
14. Мемы как симулякр // apollo complex : [страница в социальной сети «ВКонтакте»]. URL: <https://vk.com/@apolloncomplex-memy-kak-simulyakr> (дата обращения: 28.07.2020).
15. Митрошенков К. «Литература сегодня конструирует групповые идентичности, она перестала быть самоценной»: Интервью с литературоведом Галином Тихановым // Горький Медиа. 2021. 4 марта.

- URL: <https://gorky.media/context/literatura-segodnya-konstruiuet-grupповые-identichnosti-ona-perestala-byt-samotsennoj/> (дата обращения: 25.03.2021).
16. Насколько ужасен 2020 год, настолько же хороши его мемы. Только благодаря им нам удалось все это вытерпеть. Вот список самых лучших по версии «Шапито» // Meduza. 2021. 1 января. URL.: <https://meduza.io/slides/naskolko-uzhasen-2020-god-nastolko-zhe-horoshi-ego-memy-tolko-blagodarya-im-nam-udalos-vse-eto-vyterpet-vot-spisok-samyh-luchshih-po-versii-shapito> (дата обращения: 27.04.2021).
17. Пивоварова А. Эмоциональное насилие: Как противостоять абьюзеру, если уйти нельзя // Wonderzine. 2017. 24 октября. URL: <https://www.wonderzine.com/wonderzine/life/life/230372-abuser-lifehacks> (дата обращения: 25.04.2021).
18. Полярный А. Мятная сказка // Лайвлиб. URL: <https://www.livelib.ru/book/1002752896-myatnaya-skazka-aleksandr-polyarnyj> (дата обращения: 15.03.2021).
19. Приказ Министерства образования и науки РФ от 17 декабря 2010 г. № 1897 «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта основного общего образования» // ГАРАНТ.РУ. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/55070507/> (дата обращения: 17.03.2021).
20. Разумихина О. В помощь школьнику. 10 класс. И. А. Гончаров. «Обломов» (1859) // ГодЛитературы.РФ. 2020. 2 октября. URL.: <https://godliteratury.ru/articles/2020/10/02/v-pomoshch-shkolniku-10-klass-i-a-goncharov-oblomov-1859> (дата обращения: 24.02.2021).
21. ТрансценДен†альный кот : [страница в социальной сети «ВКонтакте»]. URL: <https://vk.com/trcat> (дата обращения: 28.04.2021).
22. Факультет Мемологии СПбГУ: [страница в социальной сети «ВКонтакте»]. URL: https://vk.com/memes_spbu (дата обращения: 28.07.2020).

23. Ф-письмо // сигма. URL: <https://syg.ma/f-writing> (дата обращения: 26.03.2021).
24. Anthony Uly. МЯТНАЯ СКАЗКА | Полярный и самый грандиозный книжный развод! : [любительское видео] // YouTube. 2019. 20 августа. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=fOXUEsDIi3I&t=644s> (дата обращения: 15.03.2021).
25. Literary Memes : [страница в социальной сети «ВКонтакте»]. URL: https://vk.com/literary_memes (дата обращения: 03.08.2020).
26. Schaverien A. Why the internet loves the Suez Canal stuck ship saga // The New York Times. 2021. March 27. URL: <https://www.nytimes.com/2021/03/27/world/suez-canal-stuck-ship-memes.html> (дата обращения: 02.04.2021).
27. UncleShurik. СНЕЖНАЯ СКАЗКА // УЖАСНОЕ ПРОДОЛЖЕНИЕ МЯТНОЙ СКАЗКИ : [любительское видео] // YouTube. 2020. 6 декабря. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=jxjtxMZ-Low> (дата обращения: 15.03.2021).

Справочная литература

28. Lewens T. Cultural Evolution // The Stanford Encyclopedia of Philosophy Archive (Summer 2020 Edition) / ed. by E. N. Zalta. URL: <https://plato.stanford.edu/archives/sum2020/entries/evolution-cultural/> (дата обращения: 27.06.2020).
29. Меме // Oxford English Dictionary. URL: <https://www.oed.com/> (дата обращения: 27.06.2020).

Научная литература

30. Аверинцев С. С. Бахтин, смех, христианская культура // Аверинцев С. С., Давыдов Ю. Н., Турбин В. Н. и др. Бахтин как философ. М.: Наука, 1992. С. 7–19.

31. Адоньева С. Б. Полнота повседневности // Адоньева С. Б., Веселова И. С., Мариничева Ю. Ю., Петрова (Матвиевская) Л. Ф. Первичные знаки / Назначенная реальность. СПб.: Пропповский центр, 2017. С. 11–46.
32. Андерсон Б. Воображаемые сообщества: размышления об истоках и распространении национализма / пер. с англ. В. Г. Николаева под ред. С. П. Баньковской ; вступ. ст. С. П. Баньковской. М.: Кучково поле, 2016. 416 с.
33. Аронсон П. Я. Любовь: сделай сам. Как мы стали менеджерами своих чувств. М.: Индивидуум, 2021. 192 с.
34. Байяр П. Искусство рассуждать о книгах, которых вы не читали / пер. с фр. А. Поповой. М.: Текст, 2012. 185 с.
35. Барт Р. О чтении // Барт Р. Система моды. Статьи по семиотике культуры / пер с фр., вступ. ст. и сост. С. Н. Зенкина. М.: Издательство им. Сабашниковых, 2003. С. 489–499.
36. Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М.: Художественная литература, 1990. 543 с.
37. Бергсон А. Смех / пер. с фр. И. Гольденберга. М.: Искусство, 1992. 128 с.
38. Блэкмур С. Эволюция меметических машин // Dr. Susan Blackmore : [персональный сайт]. URL: <https://www.susanblackmore.uk/conferences/the-evolution-of-meme-machines-russian-translation> (дата обращения: 05.05.2020).
39. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляции / пер. с фр. А. Качалова. М.: ИД «ПОСТУМ», 2015. 240 с.
40. бойд д. Все сложно. Жизнь подростков в социальных сетях / пер. с англ. Ю. Каптуревского ; под науч. ред. А. Рябова. М.: Изд. дом. Высшей школы экономики, 2020. 352 с.
41. Бочаров С. Г. Генетическая память литературы. М.: РГГУ, 2012. 341 с.
42. Волков В. В. Концепция культурности, 1935–1938 годы: советская цивилизация и повседневность сталинского времени // Социологический журнал. 1996. № 1–2. С. 194–213.

43. Гудков Л., Дубин Б. Литература как социальный институт: Сборник работ. 2-е изд., доп. М.: Новое литературное обозрение, 2020. 792 с.
44. Гуссерль Э. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология. Введение в феноменологическую философию / пер. с нем. Д. Н. Кузницына. СПб.: Наука, 2013. 493 с.
45. Зиновьева Н. А. Анализ процесса конструирования смысла интернет-мема // Дискуссия. 2013. № 9. С. 133–137.
46. Канашина С. В. Что такое интернет-мем? // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2017. № 28. С. 84–90.
47. Карташова Е. П., Ахмедзянова А. Р. Интернет-мем как основной вид креолизованного текста в самопрезентации «человека творящего» // Вестник Марийского государственного университета. 2019. № 3. С. 426–430.
48. Колесова Е. Котики и революция: Что такое меметика и почему мемы — это не только смешные картинки из интернета // N+1 : науч.-попул. изд. Дата публикации: 20.10.2017. URL: <https://nplus1.ru/material/2017/10/20/mems-and-culture> (дата обращения: 05.05.2020).
49. Лихачев Д. С., Панченко А. М. «Смеховой мир» Древней Руси. Л.: Наука, 1976. 204 с.
50. Лоскутникова М. Б. Ирония в романе И. А. Гончарова «Обломов» // Вестник Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина. 2012. № 1. С. 15–23.
51. Лысенко Е. Н. Интернет-мемы в коммуникации молодежи // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. 2017. № 4. С. 410–424.
52. Марченко Н. Г. Интернет-мем как хранилище культурных кодов сетевого сообщества // Казанская наука. 2013. № 1. С. 113–115.

53. Отрадин М. В. «Обломов» в зеркале времени // Роман И. А. Гончарова «Обломов» в русской критике : Сб. ст. / сост., авт. вступ. ст. и коммент. М. В. Отрадин. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1991. С. 4–20.
54. Отрадин М. В. К вопросу о своеобразии эпической объективности и роли юмора в романе И. А. Гончарова «Обломов» // Материалы юбилейной гончаровской конференции 1987 года / под ред. Н. Б. Шарыгиной. Ульяновск: Симбирская книга, 1992. С. 115–126.
55. Поливанова К. Роль чтения в жизни ребенка // ПостНаука. 2016. 18 января. URL.: <https://postnauka.ru/video/57643> (дата обращения: 24.03.2021).
56. Раппопорт Р. В. Читай не хочу. Что мешает ребенку полюбить книги. М.: Индивидуум, 2021. 256 с.
57. Рейтблат А. И. Писать поперек: Статьи по биографике, социологии и истории литературы. М.: Новое литературное обозрение, 2014. 416 с.
58. Фомин И. В. Семиотика или меметика? К вопросу о способах интеграции социально-гуманитарного знания // Полис. Политические исследования. 2015. № 3. С. 72–84.
59. Черкасова М. В. «Канон» и «архив» в современной архивной науке США // Поволжский педагогический вестник. 2017. Том 5. № 4 (17). С. 158–162.
60. Якобсон Р. Лингвистика и поэтика / пер. с англ. И. А. Мельчука // Структурализм: «за» и «против» : сб. статей / под ред. Е. Я. Басина и М. Я. Полякова. М.: Прогресс, 1975. С. 193–230.
61. Яусс Х. Р. История литературы как провокация литературоведения / пер. с нем. и предисл. Н. Зоркой // Новое литературное обозрение. 1995. № 12. С. 34–84.
62. Acerbi A. Cultural Evolution in the Digital Age // Oxford Scholarship Online. URL: <https://oxford.universitypressscholarship.com/view/10.1093/oso/9780198835943.001.0001/oso-9780198835943-chapter-9> (дата обращения: 02.07.2020).

63. Acerbi A. *Cultural Evolution in the Digital Age* // Oxford University Press : [сайт издательства]. URL: <https://global.oup.com/academic/product/cultural-evolution-in-the-digital-age-9780198835943?cc=gb&lang=en&#> (дата обращения: 02.07.2020).
64. Assmann A. *Canon and Archive* // *Cultural Memory Studies: An international and Interdisciplinary Handbook* / ed. by A. Erll, A. Nünning. Berlin, New York: Walter de Gruyter. Pp. 97–107.
65. Bartholomew D. *Finding Identity Through Literature* // *Capstone Projects and Master's Theses*. 2019. URL: https://digitalcommons.csumb.edu/caps_thes_all/698/ (дата обращения: 01.05.2021).
66. Blackmore S. *The Meme Machine*. Oxford: Oxford University Press, 1999. 264 p.
67. Cannizzaro S. Internet memes as internet signs: A semiotic view of digital culture // *Sign Systems Studies*. 2016. Vol. 44. №. 4. Pp. 562–586.
68. Dawkins R. *The Extended Phenotype: The Long Reach of the Gene*. Oxford: Oxford University Press, 1999. 336 p.
69. Dawkins R. *The Selfish Gene: 30th Anniversary Edition*. Oxford: Oxford University Press, 2006. 360 p.
70. Jenkins H. *Convergence culture: where old and new media collide*. New York; London: New York University Press, 2006. 308 p.
71. *Journal of Memetics — Evolutionary Models of Information Transmission*. URL: <http://cfpm.org/jom-emit> (дата обращения: 02.07.2020).
72. Popper K. *Evolutionary Epistemology* // *Evolutionary Theory: Paths into the Future* / ed. by J. W. Pollard. Chichester, New York: John Wiley & Sons, 1984. Pp. 239–255.
73. Rotanova M., Fedorova M. Internet meme as the Cyber Laughter Culture Phenomenon in Modern Russian Digital Society // *Communication Strategies in Digital Society Workshop*. 2019. 10–11 April. Pp. 65–69.

Приложение



Рис. 1.1.

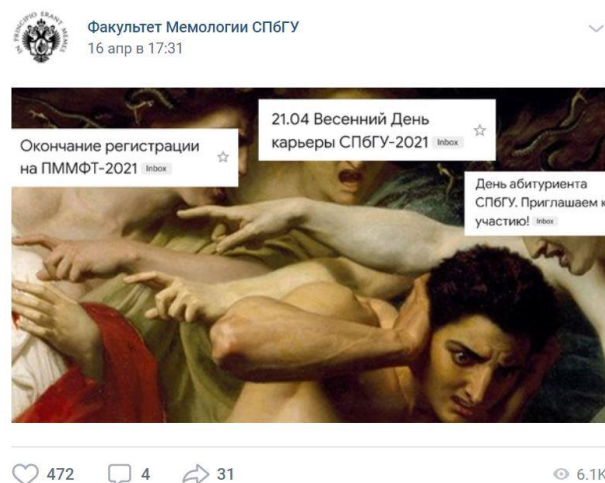


Рис. 1.2.



Рис. 1.3.

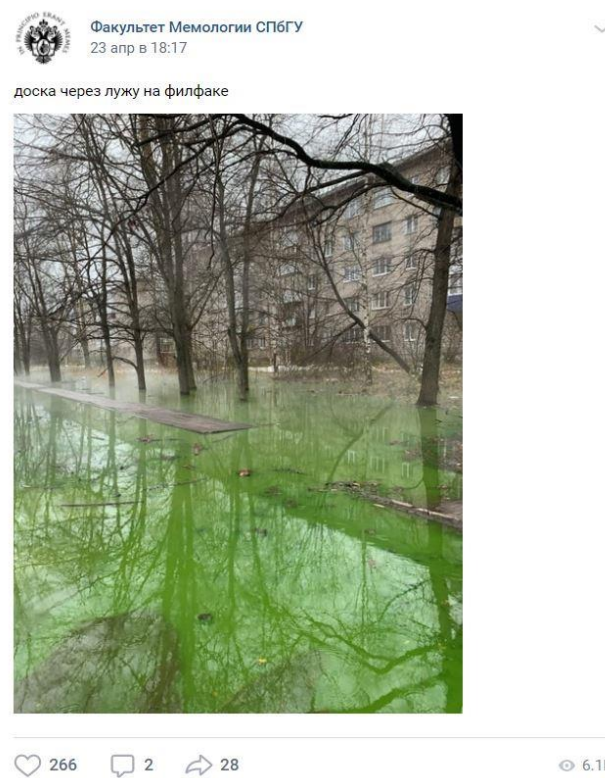


Рис. 1.4.



Рис. 1.5.

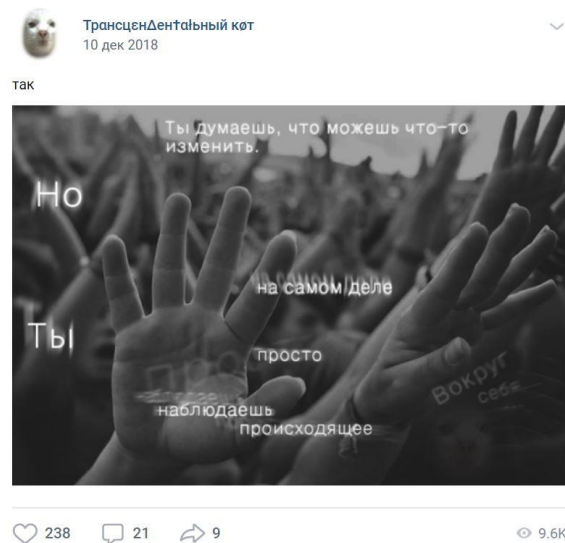


Рис. 1.6.



Рис. 1.7.

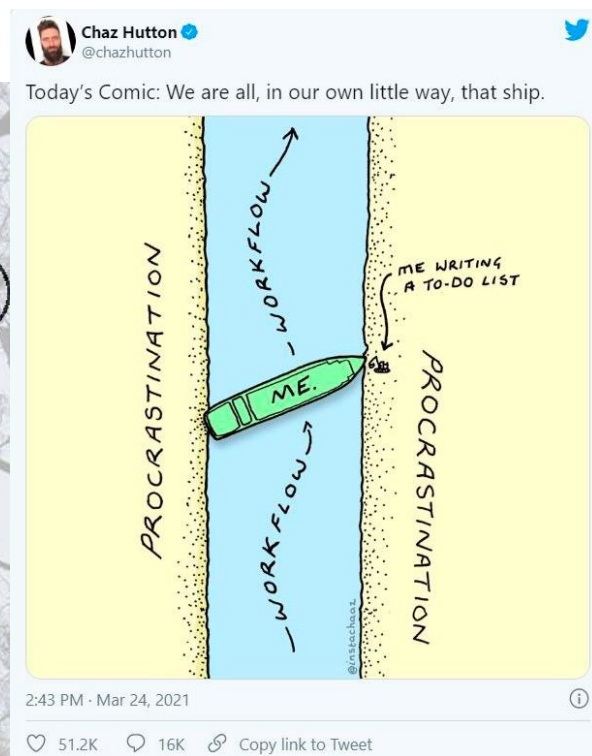


Рис. 1.8.



Рис. 1.9.



Рис. 1.10.



Рис. 1.11.



Рис. 1.12.



Рис. 1.13.

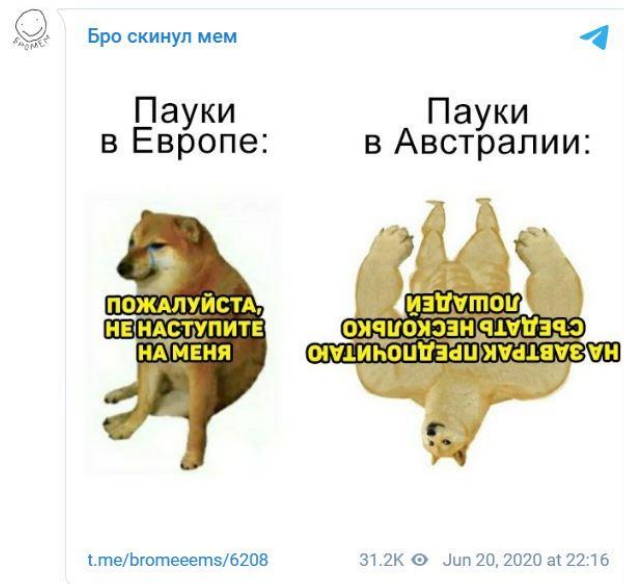


Рис. 1.14.

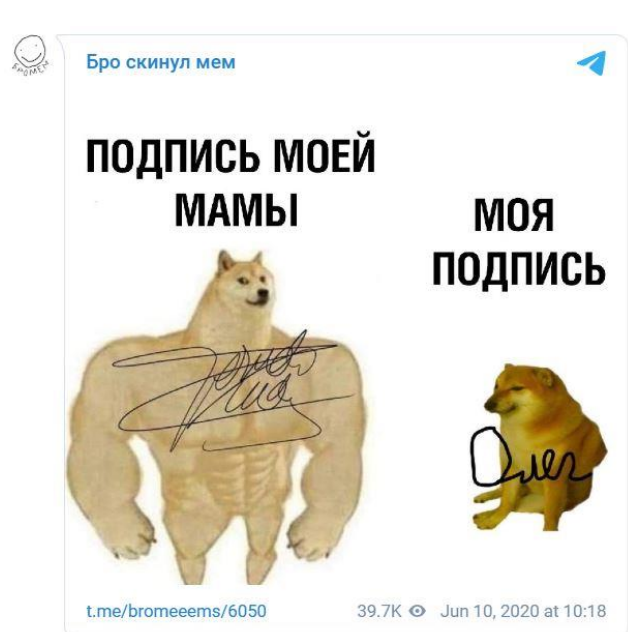


Рис. 1.15.



Рис. 1.16.



Рис. 1.17.



Рис. 1.18.



Рис. 1.19.

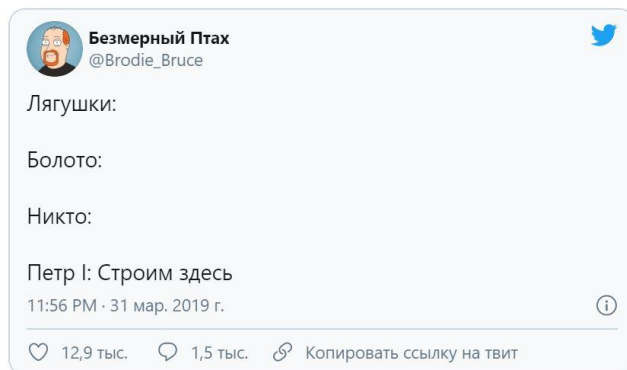


Рис. 1.20.

Literary Memes
13 авг 2020



Михаил Фруктов

871 1

Рис. 2.1.

Literary Memes
10 сен 2020

Советский писатель: *пишет что-либо*
Партийные органы:



Михаил Фруктов

16K

1387 7

25K

Рис. 2.2.

Literary Memes
28 июл 2020

Я: Бунин такой неприятный. Я бы никогда не вёл себя так высокомерно.

Также я, почитав современную поэзию:



1881 9

Рис. 2.3.

Literary Memes
15 авг 2020



34K

1159 7 3

20K

Рис. 2.4.

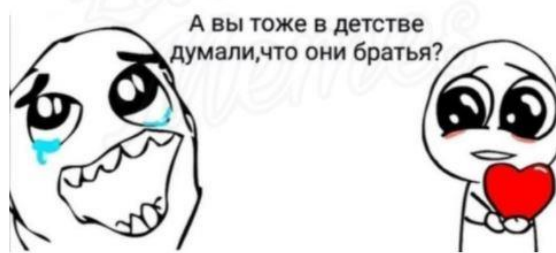
Literary Memes
15 мая 2020



3812 20

Рис. 2.5.

Literary Memes
28 сен 2020



Михаил Фруктов

54K 310 2 1

10K

Рис. 2.6.

Literary Memes
27 апр 2020



403 1 1

Рис. 2.7.

Literary Memes
27 янв 2020



Светлана Сеина

10K 1105 8

44K

Рис. 2.8.

Literary Memes
16 ноя 2020



Михаил Фруктов

2037 8 14

40K

Рис. 2.9.

Literary Memes
29 сен 2020



425 2

10K

Рис. 2.10.

Literary Memes
11 июл 2020



Михаил Фруктов

1110 3

16K

Рис. 2.11.

Literary Memes
24 июн 2019

Люди: *ИЗОБРЕТАЮТ ДИВАН*
Обломов:



Булат Абзалов

3461 14

76K

Рис. 2.12.

Literary Memes
28 сен 2020



975 3 6

17K

Рис. 2.13.

Literary Memes
25 апр 2020

Болконский: *смотрит на небо
Аустерлица*
В это время в небе:



3250 9

47K

Рис. 2.14.

Literary Memes
4 мая в 0:52

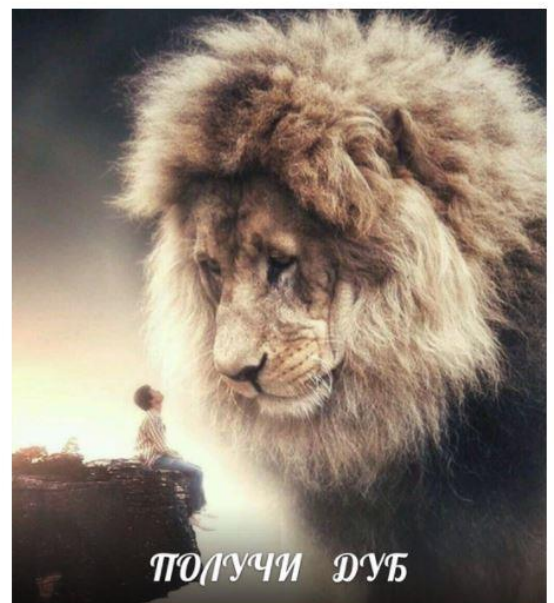


712 145

22K

Рис. 2.15.

Literary Memes
20 ноя 2020



549 5 7

15K

Рис. 2.16.



Рис. 2.17.



Рис. 2.18.



Рис. 2.19.

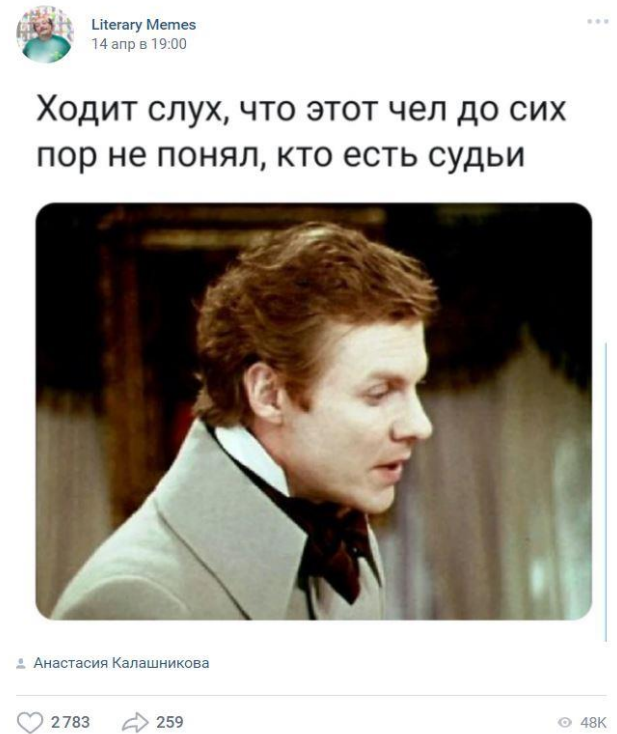


Рис. 2.20.

Literary Memes
31 янв в 2:34

Чацкий: *монологи*
Фамусовское общество: *возмущается*

Чацкий:



3923 615

Рис. 2.21.

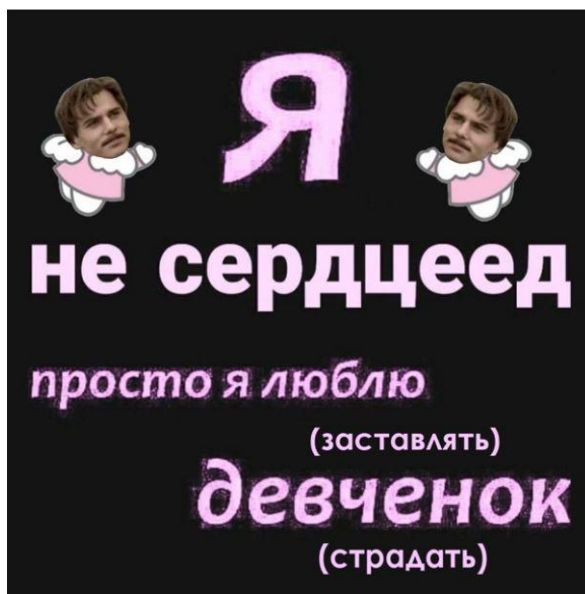
Literary Memes
13 окт 2020



80K 3943 16 22

Рис. 2.22.

Literary Memes
27 окт 2020



1577 11 6

Рис. 2.23.

Literary Memes
30 июн 2020



35K 1993 6

Рис. 2.24.



Рис. 2.25.

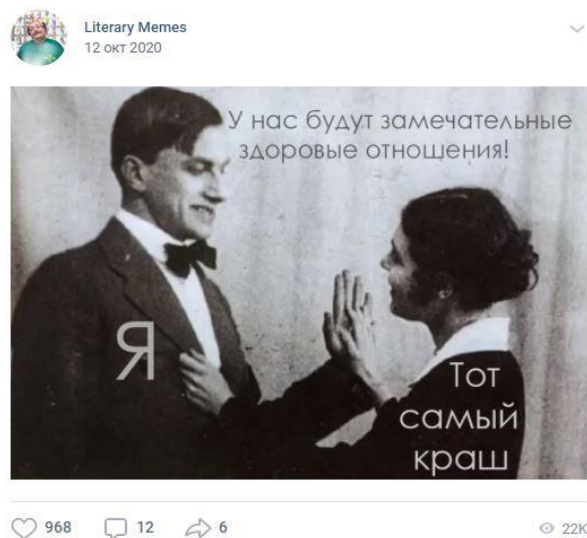


Рис. 2.26.

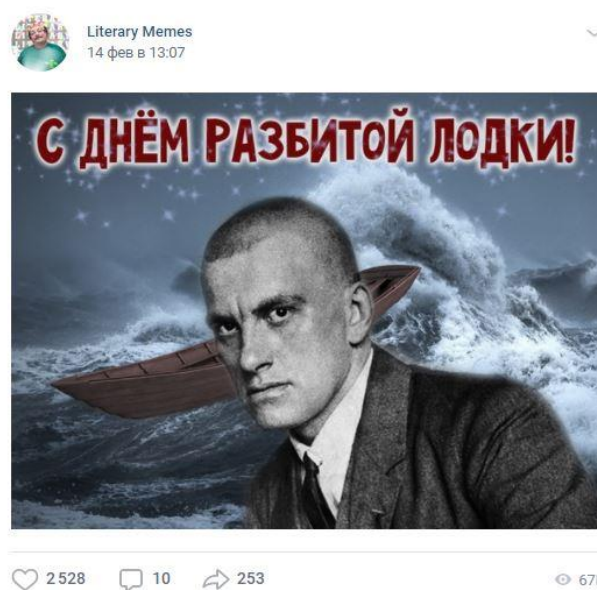


Рис. 2.27.



Рис. 2.28.



Рис. 2.29.



Рис. 2.30.



Рис. 2.31.



Рис. 2.32.



Рис. 2.33.



Рис. 2.34.



Рис. 2.35.

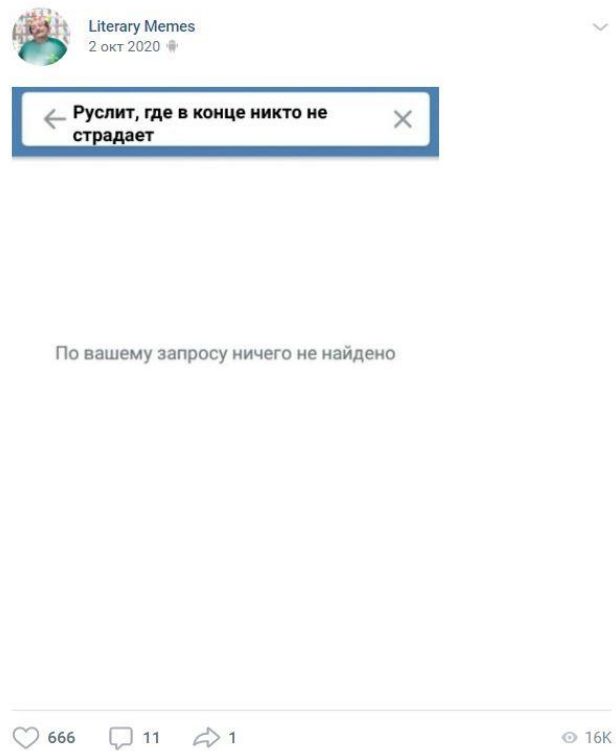
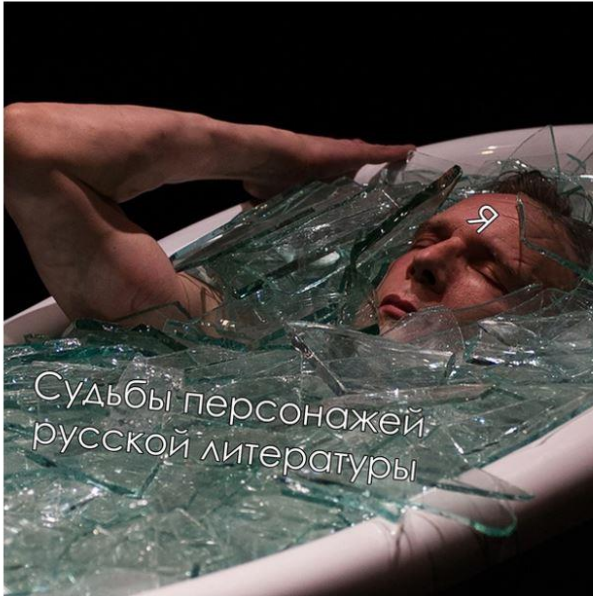


Рис. 2.36.

Literary Memes
24 окт 2020



2144 11 13 40K

Рис. 2.37.

Literary Memes
25 ноя 2020

Кто тут у нас солнышко?



1239 12 17 27K

Рис. 2.38.

Literary Memes
24 июл 2020



757 3 16K

Рис. 2.39.

Literary Memes
23 сен 2020

#гончаров@literary_memes

САМЫЕ СЕКСУАЛЬНЫЕ ПОЗЫ ДЛЯ ФОТО



Макс Ожигин

616 6 2 19K

Рис. 2.40.



Рис. 2.41.

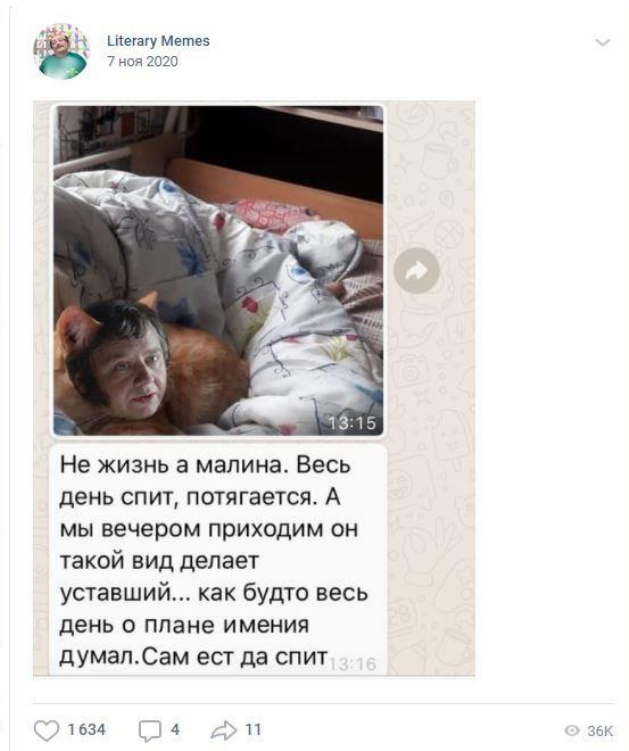


Рис. 2.42.



Рис. 2.43.

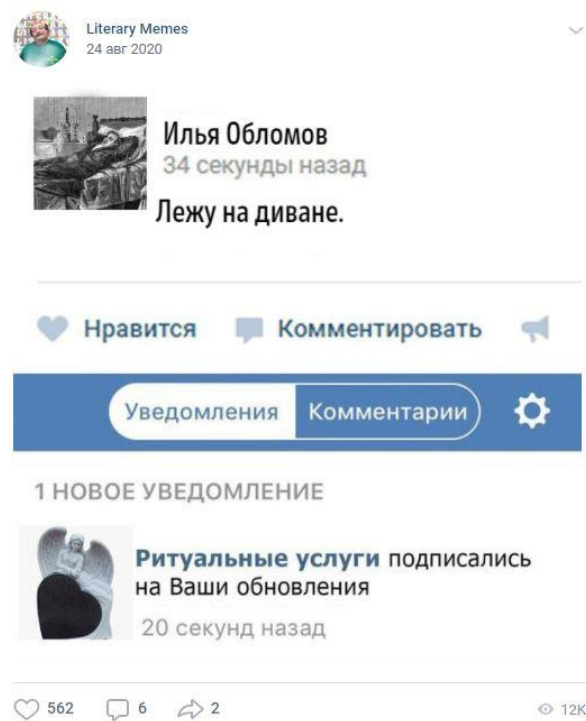


Рис. 2.44.



Рис. 2.45.

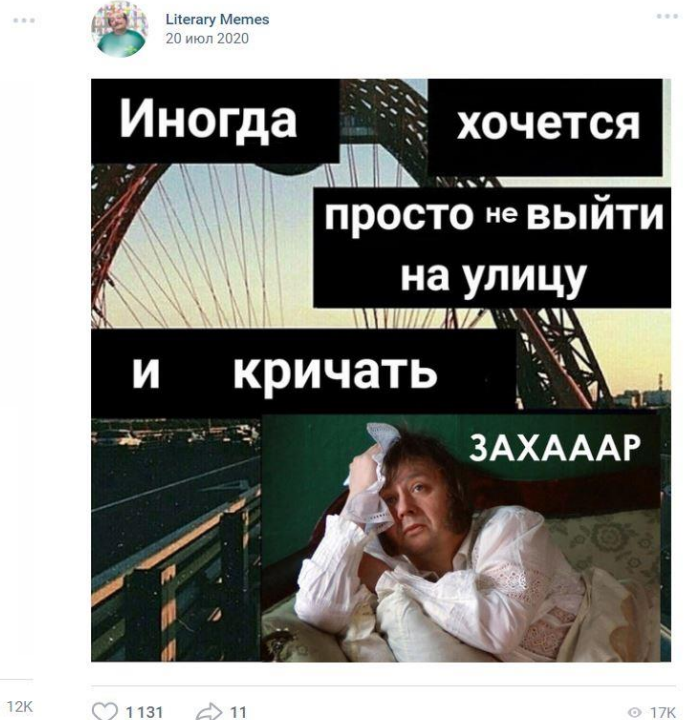


Рис. 2.46.



Рис. 2.47.

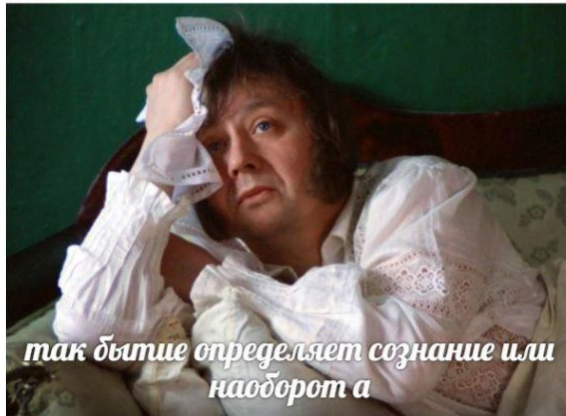


Рис. 2.48.



Literary Memes
24 авг 2020

Мама: он будет филологом
Папа: нет, он станет пожарным
Я в соседней комнате:



2553 4 11

38K

Рис. 2.49.



Literary Memes
14 сен 2020



1984 14 8

39K

Рис. 2.50.



Literary Memes
24 сен 2020



2025 5 3

29K

Рис. 2.51.